

Елена Безрукова

Ты нас предал

<https://litres.ru/74207897>

Аннотация

— Когда ты скажешь своей клуше, что уходишь ко мне? — говорила моя лучшая подруга. — Скажу, — отвечал ей любимый. — Сложный проект, ты же знаешь. — Скоро будет видно живот. — Какой живот? — ворвалась я в спальню и едва не упала в обморок, в последний миг зацепившись за дверной проем пальцами. Они лежали на нашей постели совсем без... Два предателя. Два палача. — Беременный, — не смутилась та, которую я считала подругой. — У нас будет ребёнок. *** Как ты мог, любимый? Ты нас предал. Ты нас убил. И ты никогда не узнаешь о ребёнке, которого я ношу от тебя. ХЭ.

НОВИНКИ АВТОРОВ: ЕЛЕНА БЕЗРУКОВА - ЭЛЕН БЛИО -

Содержание

1.	5
2.	9
3.	14
4.	17
5.	21
6.	24
7.	27
8.	31
9.	34
10.	38
11.	42
12.	45
13.	48
14.	51
15.	55
16.	61
17.	65
18.	69
19.	74
20.	78
21.	83
22.	88
23.	91

24.	95
25.	98
26.	102
27.	107
28.	114
28.	119
29.	125
30.	130
Конец ознакомительного фрагмента.	131

1.

— Давай попросим счёт, — сказала я подруге. — Мне ещё на курсы надо успеть.

— Новые курсы? — подняла она свои чётко очерченные брови. Всё думала сделать себе такие же — красивые и ровные. Кажется, Анфиса говорила, что этот как татуировка, на время. И проблем никаких нет с бровями. Да и ресницы у неё красивые, тоже искусственные, но смотрятся шикарно. Но я всё забываю взять контакты её мастера. — Опять кулинарные?

— Да, а что? — повела я плечом. — Хочу освоить новые технологии.

— Ты и так постоянно встречаешь мужа с пятью блюдами с работы.

— Да, мне это нравится, — улыбнулась я. — Встречать его в переднике, с пирожками... Здорово же!

— В переднике — это хорошо, — хихикнула Анфиска, — Но передком было бы лучше!

Меня слегка передернуло от пошлой шутки, а подруга продолжала:

— Или только в переднике, без ничего. И тогда пирожки мужику будут не нужны.

— Да ну тебя! — возмутилась я. — Ты о чём вообще?

— О том самом, — не смутилась подруга, допивая свой

кофе. — Ладно, прости, всё забываю, что ты у нас не такая...

— Не какая? — удивилась я.

— Правильная очень! И верная, наверное, ха-ха! Повезло твоему Богдаше. — она улыбнулась и глянула на наручные часы. — Так, ну теперь действительно пора. Это ты у нас птичка вольная, а мой обеденный перерыв заканчивается.

— Ну, как сказать, вольная? Это только кажется, что у домохозяйки дел нет! Сейчас вот курсы...

— Да я поняла, извини, без обид, но всё-таки это не работа! — подруга чмокнула меня в щёку прощаясь. — После курсов ты домой?

— Нет, у меня ещё бассейн сегодня.

— Да уж, насыщенный день у домохозяек!

— Ещё какой!

— Ну, удачи в новых начинаниях! Тебя не подкину, извини, мне в другую сторону, кое-куда ещё надо заскочить. Увидимся!

Она помахала мне рукой и птичкой вылетела из кафе. Я расплатилась и заказала такси.

Увы, мои планы пойти на курсы провалились — в такси, почти доехав до нужного места, я почувствовала тошноту, видимо все-таки грибной суп в ресторане был не свежий. Пришлось сразу разворачиваться домой.

Едва я открыла дверь и оказалась в нашей прихожей, как ноги подкосились.

Я слышала голоса, томные вздохи и какую-то возню в

спальне.

Голоса лучшей подруги Анфисы, той самой с которой я полчаса назад сидела в кафе, и моего мужа Богдана...

Странно, промелькнула мысль, что они в обед делают в нашей квартире, да ещё и в спальне?

Я привалилась к стене и слушала.

— Ну когда ты скажешь своей клуше, что уходишь ко мне? — ворковала моя лучшая подруга.

— Скажу, — отвечал ей любимый. — Сейчас сложный проект, ты же знаешь. Давай, сделай мне ещё раз... Ты просто богиня.

Он говорил с таким придыханием, которое ни с чем не спутать.

Меня начало мелко трясти, но я отлипла от стены и пошла на голоса.

Я понимала, что увижу там, судя по их вздохам, но всё ещё надеялась, что этому кошмару найдётся какое-то разумное объяснение.

Ведь нельзя же так поступать с близкими людьми?

— Скоро будет видно живот, — сказала она.

— Какой живот? — ворвалась я в спальню и едва не упала в обморок, в последний миг зацепившись за дверной проем пальцами.

Они лежали на нашей постели без одежды...

Два предателя. Два палача.

Я словно умерла там.

— Беременный, — не смутилась та, которую я считала подругой. — У нас будет ребёнок.

— Р-ребёнок? — растерянно стояла я посреди спальни.

— Ну да, — ответила она, продолжая нагло поглаживать плечи моего мужа, за которого спряталась. — Которого ты за столько лет не смогла ему родить.

Боль пронзила меня насквозь так сильно, что я даже дёрнулась, словно меня ударили физически.

— Богдан... — прошептала я, протягивая руки к нему в беспомощной мольбе, но муж даже не пытался прикрыться или как-то оправдаться.

Я была готова принять любую ложь, готова была простить.

— Может, ты всё-таки выйдешь из спальни? — спросил он холодно.

2.

На пару секунд я замерла в ступоре. Меня захватил такой шок, что я и понять не могла, что он мне сказал. Но постепенно слова достигли цели, и я заставила себя двигаться.

Конечно, нужно уйти.

Зачем мне оставаться тут?

Я не хочу на это смотреть. Я не хочу это видеть и слышать.

Я здесь больше никому не нужна больше.

Я всё поняла.

Пазл идеально сложился в моей голове именно в этот момент.

Все его задержки на работе до самой ночи нашли логичное объяснение.

А я ведь ему верила.

Как верный пёс.

Как дура верила!

А он... Вонзил мне нож в спину и просто изменил.

Мой самый любимый, самый лучший на свете мужчина, муж... Хладнокровно вогнал мне сегодня со спины нож, который достиг остриём самого сердца.

Я развернулась и кое-как перебирая ватными ногами прошла на кухню, которая в нашей квартире была соединена со столовой. Села на стул и тупо уставилась в стенку невидящим взглядом.

Как? Как с этим жить?

Что теперь будет?

Мне так хотелось, чтобы всё это оказалось нелепым кошмаром или чьей-то дурацкой шуткой...

А что мне делать?

Мне придётся отсюда уйти?

Уйти из дома?

Куда? У меня здесь на самом деле был дом. Мой, любимый дом!

С какой любовью выбирала я мелочи для интерьера сюда! Так хотелось, чтобы в нашем семейном гнёздышке было уютно, чтобы сюда хотелось возвращаться после тяжёлого рабочего дня.
Чтобы муж приходил вечером, садился за стол, я бы подавала ему вкусный ужин в красивых тарелках. Он бы хвалил мои кулинарные способности.
Обнимал за талию.
Я бы садилась рядом или на коленки, спрашивала, как прошёл день, Богдан бы рассказывал. Позже с нами за столом появились бы наши детки, о которых мы так с мужем мечтали. Они бы тоже говорили о том, что случилось у них за день, что они узнали нового и задавали нам массу вопросов...

Неужели всего этого никогда не будет? Почему? Что я сделала не так? Где допустила ошибку? Богдан же меня любил! Действительно любил!

Я была совсем неопытной девчонкой, когда мы с ним начали отношения. Он стал моим первым мужчиной, стал для

меня всем. Стал моей огромной вселенной. Он любил повторять, что никогда и ни с кем ему не было так хорошо как со мной.

Что же изменилось?

Получается, с Анфисой всё-таки ему лучше?

Или она права, и я действительно стала просто домашней клушей, которая только и умеет, что щи да борщи варить?

Эта мысль снова причинила такую невыносимую боль, будто нож в спину не только вогнали, но ещё и провернули с особой жестокостью несколько раз, что я невольно скривилась. По щекам побежали горькие слёзы моей тихой истерики.

Я молча горела заживо, билась в агонии, просто умирала.
Ты убил меня, милый.

Я теперь не человек больше, я живой труп без души — её сегодня выжгли дотла, оставив лишь безобразное пепелище.

Ты убил нас.

Уничтожил.

Растоптал.

Как ты мог?

Предатели.

Мои палачи.

Ты нас предал, Богдан.

За мыслями не заметила сколько прошло времени и как в кухню вошёл Богдан, а за ним — та, которую я считала

подругой, но теперь даже имени её не хотела произносить.

— И что ты сидишь? — услышала я и повернула голову на голос.

Муж смотрел на меня с недовольством. Конечно, я помешала ему получить удовольствие! Что он там говорил, что Анфиса делает лучше всего?

Господи, какая грязь! Я даже потрясла головой, прогоняя эти картинки. Мне показалось, что меня сейчас вырвет. Мне надо уйти отсюда, уйти как можно скорее.

Я встала на ноги и старалась не встречаться ни с одним из этих предателей глазами.

— Вещи я заберу потом, — я старалась, чтобы мой голос не звучал так жалко и слабо. — Счастливо оставаться.

— Зачем откладывать? — вклинилась бывшая подруга, которой я, между прочим, доверяла не меньше. Два ножа. — Давай, помогу собрать твои шмотки. Как я понимаю, твоего здесь не много, да?

Мерзкий тон подруги заставил поморщиться. Да уж, действительно, если задуматься, ничего моего тут и нет.

— Я заеду сама, позже. Когда вас обоих тут не будет. А пока... Продолжайте, не стесняйтесь.

Не знаю, откуда взялись силы сказать это и сохранить лицо.

Схватила сумку в прихожей, которую уронила на полу при входе, быстро натянула сапоги, накинула шубку и вышла в подъезд, хлопнув дверью.

Вот и всё. Больше нет у меня ни мужа, ни подруги, ни дома...

Одна только рана сквозная, куда задувают все ветра мира.

3.

Я вызвала лифт и спустилась вниз.

В каком-то тумане побрела по тихому скверу, который окружал наш элитный квартал.

Падал мягкий снежок, но я ничего вокруг не замечала.

Красота мира просто померкла сегодня для меня.

Куда я шла — понятия не имела. Шла подальше от предательства и боли. Подальше от этой гадости.

От измены, которую я всегда считала самым страшным, что может произойти. Самым подлым и мерзким. Я никогда бы не поступила так сама с близким человеком, и была уверена, что ни Богдан, ни Анфиса тоже не поступят так со мной.

Не знаю, сколько я шла, устала, промерзла, когда увидела вывеску небольшого рестораника, я никогда тут не была раньше, и сейчас для меня это было благом.

Зашла, народу было не очень много, я подумала, что это к лучшему, села в уголке, заказала кофе и десерт, просто чтобы что-то заказать.

Мне не хотелось ни есть. ни пить. Ни жить...

Да и как мне жить?

Смотрела как опадает пена капучино и размышляла.

Квартира в которой мы жили принадлежит мужу, она куплена до брака со мной, естественно, мне там ничего не све-

тит, да я и не стала бы пытаться что-то получить. Ничего мне не нужно от Богдана... Мне была нужна лишь его любовь, но теперь об этом и речи не может идти.

Он выбрал её.

У меня есть своя небольшая квартирка в тихом спальном районе, но я её сдаю и только недавно перезаключила контракт аренды на год. Там живёт семья уже несколько лет: хорошие люди, двое детей, приличная семья. Не могу же я к ним явиться и сказать, что у меня резко поменялись планы и я требую освободить жилплощадь?

Мы с Богданом заключали брачный контракт. Смешно, но на этом я настояла, все хотела показать, что я люблю его не за деньги, которые он имеет. Люблю, потому что люблю...

По нему мне ничего не достанется из имущества Богдана, но разве это самое важное?

Я семью потеряла. Мужа лишилась. Подруга предала... И всё это в один день.

Закрыла лицо руками, пытаюсь прогнать непрошенные слезы.

За что, Богдан? За что? Я же так тебя любила! Я же старалась быть идеальной женой! Чтобы дом был уютным, был полной чашей. Готовила ему по пять блюд к ужину, и всегда разное.

Мне казалось, что я и как женщина его устраиваю. Да, может во мне нет лоска, как в Анфисе, я не такая стройная, как она, да и грудь у меня натуральная, не такая большая.

Маникюра нет — зачем он мне на кухне? Господи, да я даже ноги брить порой забывала, не говоря об эпиляции...

Да уж, Надежда, дорогая, и ты еще спрашиваешь, почему мужа потянуло к другим бабам?

Видимо поэтому...

Горько было осознавать, что вся моя жизнь оказалась просто липой. Враньем.

Я закрывала глаза на очевидные вещи. Богдан стал позже приходить. Он не просил заниматься с ним любовью, хотя раньше ему нужно было и часто, и много и... в общем, любил он это дело, и сильно. Он знал толк в наслаждениях...

Наверное, как любой нормальный и здоровый мужчина.

Меня должно было насторожить то, что мой муж перестал меня хотеть.

Но и моя страсть поостыла на тот момент, и я считала, что это обоюдно.

Боже мой, как я ошиблась, как ошиблась!

Сексуальная жизнь Богдана продолжала быть яркой и регулярной.

Просто не со мной...

4.

Не знаю, сколько я сидела там, в этом незнакомом мне ресторане. Начали подтягиваться посетители, было много семей с детьми, стало шумно.

Дети! Как я хотела родить Богдану малыша, как мечтала! “У нас будет ребенок. которого ты так и не смогла родить!” — эти жестокие слова сказала моя подруга! Подруга, с которой я делилась своими переживаниями, на плече которой плакала, когда не получалось в очередной раз!

Это меня ударило, может быть, еще сильнее чем сама измена. Он не просто с ней спал! Он... он сделал ей ребёнка!

Меня просто размазывало, уничтожало. Боль пульсировала в теле жестоким напоминанием. “Не смогла родить”, бесплодная, пустышка... Клуша, которой место только на кухне...

Детский гомон в зале усиливался. Мне от него было дурно физически.

Пора было уходить, только вот куда?

Квартиры нет. Подруг, таких к которым я могла бы свалиться как снег на голову — пожалуй, тоже. Была Анфиса, и ещё Кристина, но Крис — подруга Анфисы, именно она нас познакомила, было бы странно свалиться ей на голову и жаловаться на общую знакомую.

Школьных подруг я как-то не сохранила, институтских —

тоже растеряла.

Где же мне прикажете теперь ночевать?

Снять квартиру? Так быстро мне вряд ли это удастся, нарвусь еще на мошенников.

Да и денег, если честно, просто не было столько. Ведь все же требуют оплату нескольких месяцев, что резонно. Я и сама это прописываю в договоре. Никому не интересно искать жильцов каждый месяц...

Я совсем приуныла.

Какая-то западня просто.

Тупик. И решения нет.

Поехать в гостиницу?

От этой мысли почему-то передернуло. Не хотелось, чтобы кто-то узнал, что жена Богдана Кантемирова таскается по ночлежкам, даже элитным.

Хотя на номер в отеле хватило бы, если только мой супруг не решил заблокировать мне карты.

Дома остались какие-то украшения, которые он дарил, но я не думала, что вырученных за них денег хватит надолго. И потом, их еще надо было продать. Если он ещё разрешит мне их забрать. А то, может, Анфиса уже положила и на них глаз... ей всегда нравились мои побрякушки.

Что же мне делать?

Просто тупик!

Я с ужасом подумала, что все-таки придется, наверное, обзванивать гостиницы, надеясь, что я смогу найти такую,

где меня никто не узнает.

Почему в жизни, как в сказке, не появляется фея-крестная, которая может решить проблемы разом?

Внезапно я вспомнила своего доброжелательного свекра — он всегда относился ко мне с пониманием. Он, конечно, не фея крестная, но...

Свекровь была, скорее прохладной, сама объясняла это тем, что не доверяет девушкам, особенно слишком молодым. У нас с Богданом не очень большая разница, почти десять лет. Но когда я выходила за него замуж мне было всего двадцать два. Совсем девочка. С годами свекровь вроде смирилась с нашим браком, но все равно нет-нет, да и начинала петь о том, какой Богдан молодец, а вот я ему совсем не пара. Что ж... теперь у него будет достойная жена.

Красивая, ухоженная, словно кукла с нарощенными ресницами, ногтями и нарисованными бровями...

Хотелось реветь, но не в людном же месте?
Наверное, я достигла какого-то предела, когда терпеть боль стало уже невозможно.
Словно сердце вырвали и оставили там, в нашей спальне, в которой мне было ещё недавно так хорошо...

А теперь моему любимому хорошо там с другой. И я не хочу знать, что она такого ему делает, что ему там сладко...

Я взяла телефон, решительно набрала номер.

— Ираида Давлатовна? Добрый вечер, это Надежда. Можно приехать к вам сейчас? С ночевкой. Случилось. При

встрече расскажу. Еду.

5.

Такси довольно быстро доставило меня в дом родителей мужа.

“Бывшего мужа” — больно кольнуло в груди, а на глаза снова навернулись слёзы.

Мозг всё ещё сопротивлялся увиденному, отказывался верить в то, что никаких “нас” больше нет — сегодня Богдан станцевал на нашей любви, растоптал и плюнул.

Конечно же, я никогда его не прощу за такое предательство.

Конечно же, будет развод. Когда я немного приду в себя после случившегося.

Конечно же, я встану снова на ноги и буду счастливой.
Без него.

Научусь жить без него. Дышать без него. Любить, может быть тоже, снова. И тоже без него.

Господи, как больно!

— Здравствуй, дорогая, — вышла ко мне навстречу мать Богдана.

Такая же красивая, подтянутая, как её сын. И такая же холодная, как селёдка...

Никогда её не любила. И это было взаимно.

Не ладили с самого начала.

Ираида Давлатовна отчего-то сразу решила, что я не пара её сыну — слишком простая. Это даже звучало для неё смешно — Богдан Кантемиров и Надя Соловьёва.

По мнению маман Богдаше была нужна ни больше, ни меньше — принцесса английская. Да уж, судя по тому, что сейчас творится в королевской семейке Ираида получила бы знатный подарочек судьбы!

На меня она сразу смотрела свысока.

Будто бы меня как бомжа какого с вокзала приволокли, отмыли, приодели и покрасили.

Да, я была не из богатой семьи, как Богдан, но всё же повод относится ко мне как к отбросу общества никакого не было. У меня были простые родители, но оба с высшим образованием, работали достойно. Да, не забогатели! Но жили мы зато хорошо, дружно! И я не виновата, что они ушли так рано, не могли меня защитить.

Ираида Давлатовна, конечно, науськивала сына, пыталась внушить, что я им не подхожу.

Однако вышло как вышло, и мы всё же пошли к алтарю с Богданом, и я стала частью его семьи.

Только в основном, на словах. Ираида так и не прониклась ко мне.

Чего нельзя сказать о его отце, Ильяс Дамирович всегда был настроен ко мне положительно и тепло, только жаль, его сейчас дома не оказалось, и встречала меня только свекровь.

— Здравствуйте, Ираида Довлатовна, — поздоровалась я

с ней, снимая шубку и сапоги в роскошной парадной их дома.

Этот особняк, наверное, самый большой в посёлке для элиты. Семья Богдана, как и он сам, были очень влиятельными людьми. Шутки ли — держать такой большой бизнес целой сети отелей и ресторанов!

— Мне...кхм, — собрала я руки в замок. — Не вполне удобно об этом говорить, но я бы хотела просить не только об одной ночи в вашем доме. Можно я у вас поживу? Немного.

Я добавила последнее слово потому, что заметила как мелькнуло недовольство в глазах свекрови. Она не столько не любила гостей в доме, сколько просто не любила меня. Но сейчас мне деваться некуда и свою гордость придётся засунуть куда поглубже. Надеюсь, это не затянется надолго, и скоро свой жилищный и финансовый вопрос я смогу закрыть и уйти отсюда. Чтобы никогда больше не вспоминать никого из этой семьи, не вспоминать этот дом и всё, что связано с ним. Разве что свёкра Ильеса — как просто хорошего человека.

Не раз он выручал меня, пока муж сгорал на работе — помогал довести продукты или полку прибить.

“Сгорал на работе” — хмыкнула я про себя.

Сегодня я воочию увидела КАК он сгорал.

6.

Свекровь поджала губы, но пригласила войти.

А я наткнулась глазами на большое фото Богдана, висящее в холле.

Красивый. Счастливый...

Снова накрыли воспоминания. Я ведь искренне верила, что он так много работает!

Реально сгорает! Умоляла его снизить нагрузку!

Сгорать-то сгорал, но и удовлетворить свои физические потребности не забывал.

Пока я выбирала скатерти на обеденный стол, на который поставила бы ему ужин из пяти блюд, а он в это время, возможно, оприходовал очередную офисную подстилку.

Пока я выбирала шторы в гостиную, чтобы он там с комфортом отдыхал после тяжелого рабочего дня, в который опять же входили офисные подстилки.

Пока я выбирала простыни на нашу с ним постель, в которой он должен был спать как в уютном гнёздышке, но в которую тоже однажды привёл офисную подстилку, которая по иронии судьбы ещё и называлась моей подругой.

Всех бы казнила.

С особой жестокостью.

За мою боль.

За слёзы и унижение.

За пренебрежение в последней нашей семейной и некрасивой сцене.

За предательство, что оставило в душе и сердце зазубренную рану, которая не факт, что вообще однажды заживёт и перестанет кровоточить.

Такое вообще можно забыть? Простить? Принять? Сомневаюсь.

Никак не укладывалось всё это в голове: муж и моя лучшая типа подруга...

Ему — вообще бы завязала узлом, будь моя воля.

У меня видимо наступил так называемый откат. Вместо боли — злость, ярость и ненависть.

Прежде всего к мужу, да и к подружайке тоже.

Анфиса... Где же твоя гордость и женская солидарность?

Неужели тебя не унижало спать с женатым?

А может, она была у него не одна, была не только я, но и другие коллеги, сотрудницы, просто случайные, которых он тасовал по мере, как они ему надоедали?

Как я не замечала, что он такой слишком полигамный, а попросту козёл?!

Куда смотрели мои глаза?

Я верила ему и не искала подвоха.

И вот как после этого я смогу кому-то доверять? Да и нужен ли мне кто-то?

Но сейчас не время думать, одёрнула сама себя и сосредоточилась на свекрови.

— Пойдём, чаю выпьем, — предложила она, и мы обе отправились на кухню.

Я понимала, что сейчас за чашкой чая она начнёт допрос: что у нас случилось, как, зачем и почему. Но это вполне логично с её стороны. Если бы жена моего сына вдруг стала проситься пожить в нашем доме, я бы тоже забеспокоилась и стала задавать вопросы. Пусть со мной она и холодная селёдка, пусть я не вызываю ничего, кроме негатива, но сына она любит и переживает за него по-настоящему.

— Что ж, дорогая, рассказывай, что случилось? — услышала я ожидаемый вопрос, когда чашки появились на столе. А ещё вазочка с сахаром, вареньем и конфетами.

Конечно, всё это не от доброты душевной выставлено было, чтобы накормить долгожданного гостя, просто манеры у мадам свекрови были прекрасными.

Не то, что у меня, как часто она отмечала после семейных посиделок: и вилку я не так держу, не так ею ем и вообще не ту схватила, перепутав вилку для мяса с вилок для рыбы.

Конечно, прожив с Богданом пять лет, и часто бывая с ним в свете раньше, я научилась этикету и пользовалась столовыми приборами правильно, но неприятные воспоминания остались, как и мои манеры остались всё же далеки от манер утонченной матери Богдана.

— Ремонт, что ли затеяли? Что тебе дома не живётся?

— Я подаю на развод, — подняла я на неё глаза.

7.

— Что, прости? — поперхнулась дорогая свекровь чаем.

— Что ты собралась делать?!

— Я буду разводиться с Богданом, — повторила я.

Свекровь не глухая, конечно. Просто она не хочет слышать и принимать то, что я говорю.

Я тоже не хочу это принимать, но...

Эта сцена, где они голые лежат на наших простынях, довольные после любовных утех, мне придавала сил и злости.

Я сделаю это обязательно — подам на развод.

Я просто не смогу жить с ним после всего с таким — меня стошнит.

— Дорогая... — пробормотала она. — Но почему? Что случилось? Может быть, я могу чем-то помочь?

“Дорогая”... Меня всегда корбило, когда она так меня называла.

Она называет так всех подряд. В основном, прислугу.

— Он мне изменил, — ответила я честно.

— А-а... — протянула она. — Это... И что же, сразу бежать разводиться?

— По-вашему, недостаточный повод?

— Знаешь ли, бывают вещи похуже.

— Например? Что может быть хуже, чем вываливать близкого человека в грязи, хуже, чем предательство?

— Алкоголь, рукоприкладство, жадность, — ответила Ираида. — Богдаша всегда был к тебе щедрым. И замуж взяла... такую.

Опять она намекает на мой социальный статус...

Да, я не родилась в шелковых пелёнках, но я тоже человек. Который имеет гордость и не намерен прощать неверного мужа!

Лучше никакого мужа, чем вот такой ходок.

Да я ему в глаза смотреть теперь не смогу, не то, что попытаться это простить.

— За такого, который пьёт и бьёт я не пошла бы, — сказала я, глядя в свою чашку с порядком остывшим чаем. — Однако для меня измена — тоже непростительна, и встаёт в ряд с названными вами пороками.

— Ты, конечно, сравнивала кое-что с пальцем, — смирила меня недовольным взглядом свекровь. — Все оступаются, он просто ошибся.

— Ошибся... Притащил в нашу постель любовницу и... её прямо на наших простынях. Это, по-вашему, ошибся?

— Ну гульнул мужик разок... Хороший левак укрепляет брак!

— Боюсь, у нас с вами слишком разные взгляды на этот вопрос... — сказала я, озадаченно глядя на свекровь.

На этом моменте нас прервали — в дверь кто-то позвонил.

Свекровь ушла открывать, и вскоре в кухне появилась она

и Ренат — младший брат моего мужа.

Я обернулась на него, и меня передёрнуло: он так похож на Богдана!

Они просто как близнецы, только с разницей в пару лет. Я очень давно его не видела — он жил за границей. Теперь же, видимо, прилетел навестить мать, а тут я. Красивый, ещё более возмужавший, с брутальной щетиной.

Он повзрослел и стал ещё больше походить на Богдана. В груди кольнуло, хоть я и понимала, что передо мной не Богдан, а его брат Ренат.

Но боже мой, как они похожи...

— О, привет, — улыбнулся он мне. — Какая встреча!

— А мы тут чай пили, — вклинилась свекровь. — Садись тоже с нами. Объясни хоть ты этой глупой, что развод не выход! Поженились — теперь живите.

— Ты собралась разводиться? — окинул Ренат меня внимательным взглядом.

Мне стало вдруг неловко. Говорить с ним об этом мне не хотелось ещё больше, чем с Ираидой.

— Да, подам на развод, — повторила я.

— Что же натворил мой старшенький, что ты решила принять такие кардинальные меры?

У меня появилось странное чувство, что спрашивал он это с каким-то личным интересом, а не из праздного любопытства.

— Нашёл мне замену в постели, — ответила я.
Хотел знать правду? Слушай.
— Хм, — хмыкнул Ренат. — Ну и дурак.

8.

— Ну что ты так о брате, Ренат? — одёрнула его, с подозрением глядя на меня свекровь. Она как будто только сейчас заметила, что Ренат со мной странно себя ведёт.

Я-то и раньше замечала. Только повода не давала. Однако сейчас он мог бы расценить наш развод как зелёный свет. Хотя мне просто реально не до него. Ни до кого!
На данный момент я ненавижу всех мужиков. Кроме разве что свёкра.

— А как ещё назвать мужчину, который упустил такую женщину? — младший брат моего пока ещё мужа внимательно смотрел на меня.

Теперь мне стало совсем неудобно от этой сцены. Нашёл место и время!

Что обо мне подумает мать братьев? Она и так не лучшего обо мне мнения, а теперь уж... Решит ещё, что я верчу хвостом.

И если я для Богдана неподходящая кандидатура была, то и для Рената останусь таковой. А если они ещё и не поделят однажды меня, хоть и глупо так было думать, ведь мы с Богданом абсолютно точно разведёмся, то свекровь меня просто возненавидит.

— А что это тут все такие грустные? — вклинился в наш диалог Ильяс Дамирович, который как раз вернулся из офи-

са домой. — Наденька! Какая радость! Ты озаряешь наш дом светом.

— Здравствуйте, Ильяс Дамирович, — повернулась я к нему и вяло улыбнулась. Хотела бы от всего сердца, но как получилось после всего, что случилось со мной сегодня. Мне кажется, я теперь уже никогда не смогу нормально улыбаться или смеяться, что эта боль в груди, удушающая и невыносимая, теперь навсегда останется неотъемлемой частью меня. — И я вам очень рада.

— Но... Милая, почему ты плачешь? — заметил тут же пронизательный мужчина мои мокрые красные глаза и такой же красный нос, опухший от слёз.

— Это... Из-за Богдана.

— Та-а-к, — протянул отец моего бывшего мужчины с сегодняшнего дня. Он указал рукой мне на гостиную. — Пойдём, милая, обсудим всё. Чует моё сердце, что дело серьёзно, а такое разве можно так решать? В ногах правды нет, идём. Ираида, дорогая, подай нам чай. Ренат.

Свёкр глянул на младшего сына очень строго, намекая тем самым, что Ильяс хотел бы иметь приватный разговор со мной, и идти за нами мужчине не следовало. Конечно же, сын, проявляющий почтение к отцу, послушался его и остался в кухне с матерью, которая стала тут же хлопотать по поводу чая.

Мы же прошли в гостиную, где Ильяс усадил меня в одно из кресел у окна, а сам сел напротив и собрал руки в замок.

— Наденька, что же случилось? Что ты даже к нам пришла. Чем тебя обидел мой непокорный сын?

И это правда. Если Ренат был куда более покладистый, особенно с родителями, то с Богданом сладить с самого детства им было непросто. По крайней мере, по их рассказам и по поведению Богдана и в старшем возрасте: упрямый, своеправный, себе на уме. Хотя мне скорее это нравилось, чем нет.

Мне всегда казалось, мужчина и должен быть вот таким. Для меня муж был идиолом, богом, идеалом мужчины. Да и сейчас таковым все еще оставался несмотря на некрасивый поступок в мою сторону...

Вряд ли я смогу когда-то его забыть или найти хоть кого-то с характером, что сравнился бы с норовом моего мужа.

— Так что, милая моя?

— Я подаю на развод.

9.

— Кхм, — крикнул свёкр. Хотя теперь я не знала, как мне его называть. Если мы разведёмся с Богданом, то какой же мне Ильяс свёкр теперь?

Я закрыла глаза — пока не хотелось об этом думать и я мысленно так и звала мать и отца мужа по привычке свёкрами. За один свою жизнь переkreпить никому не под силу. — Как давно ты приняла такое решение?

— Сегодня, — осторожно ответила я.

Сейчас он подумает, что я сгоряча. Но это лишь частично так. На самом деле в столь скоропалительном моём желании виноват исключительно Богдан. Да и какой может быть брак после того, что я увидела? К тому же, мой муж очевидно не против стать снова свободным, чтобы вместе с Анфисой воспитывать ребёнка, которого я родить ему не смогла.

Эта мысль снова острым скальпелем резанула по сердцу. Вскрыла еще не затянувшиеся раны.

Ребёнок, малыш...

Сколько бы мы ни пытались, ничего у нас не выходило, а от того мне в десять раз больнее, что причиной нашего развода послужила не только измена и предательство любимого мной мужа, но ещё и ребёнок, которого теперь моему мужчине родит другая. Родит, а я не смогу.

— Причина? — задал он вопрос по деловому.

Всё-таки всегда видно по мужчине, чем он занимается. Голос Ильяса был хорошо поставлен, твёрд, осанка прямая. Всё в нём выдавало бизнесмена большого уровня. В свои годы мужчина выглядел очень молодо и подтянуто.

— Измена, — ответила я ему в тон.

Решила не лгать. А смысл? Всё равно ему расскажет его жена.

Да и не заслужил этот человек вранья в лицо. Сколько хорошего он для меня сделал...

Просто не повернулся язык, чтобы солгать.

— Кхм, — снова задумчиво почесал он щетинистый подбородок и поднял брови. Кажется, такого мужчина не ожидал от своего сына, но из песни слов не выкинешь уже. — Тебе это достоверно известно, или птички какие на хвосте принесли? Уж я бы этим птичкам хвосты бы поободрал...

— Я всё сама видела, — ответила я, глядя на свои колени. Всё же мне нелегко давался этот разговор. Снова накрывала истерика, но я не хотела поддаваться ей, убегать, прятаться в нору и горько плакать, тем самым выказав неуважение к Ильясу. Держалась изо всех сил, но руки предательски дрожали.

— Сама? — лицо Ильяса как-то странно дёрнулось. Наверное, поступок сына ранил в самое сердце, как и меня. — То есть...

— То есть видела, — повторила я. — В нашем доме, в нашей постели... Простите.

Подробности я не хотела освящать перед мужчиной, конечно, но он и сам всё прекрасно понял. Шумно выдохнул и поправил галстук костюма.

— Когда это случилось? — спросил он, сведя брови вместе.

— Сегодня, — ответила я. — Потому я и здесь. Богдан меня... выгнал.

— Выгнал? — сосредоточил Ильяс на мне серьёзный взгляд.

— Да, — пожала я плечами. — Мне некуда было идти, поэтому я здесь.

— От зараза такая! — вскочил на ноги мужчина и нервно заходил по гостиной. — Выгнал он... Ну, я ему покажу где раки зимуют! Я ему покажу! Ну вот что.

Он остановился напротив меня.

— Ты располагайся. Будь как дома. Будь сколько потребуется. А я уж с ним поговорю сейчас! Это не он тебя выгонит! Это он сам еще оттуда вылетит, как... как пробка из бутылки!

Свёкр пролетел мимо меня в свой кабинет и закрылся там.

Стал ругаться и кому-то звонить, видимо, Богдану, но, очевидно, дозвониться никак не мог. Я же встала и направилась в комнату, которую мы всегда занимали с Богданом, когда приезжали к родителям. Но свекровь меня остановила, сказала, что устроит меня в гостевой. И почему я не была удивлена?

К несчастью, по пути туда я наткнулась на Рената, который очень ловко перегородил мне дорогу в коридоре.

10.

— Ты куда, Надь? — спросил он.

— К себе, — ответила я. — Устала очень. Пропустишь?

— Конечно, — ответил он, не двинувшись ни на миллиметр. — Просто хотел тебе сказать... Я правда не понимаю, о чём Богдан думал и как мог поступить так с тобой.

— Ренат, — устало вздохнула я. — Давай не будем.

— А мне обидно за тебя. Ты знаешь, — голос у него стал тише и ниже, — ты ещё красивее стала. И как он мог только...

Я задрожала, внутри всё сжалось, сердце заняло опять.
— Я правда не хочу сейчас об этом.

В горле ком стоял, я понимала, что вот-вот расплачусь, а делать это при Ренате совсем не хотелось.

Ренат протянул руку, я отпрянула, но он всё-таки коснулся моего предплечья. Ладонь была горячей, прожигала. Мне не хотелось его прикосновений, совсем. Я испытала прямо-таки физическое отвращение. Дурно было, хотя вроде он ничего плохого не сделал.

— Не нужно, пожалуйста... не трогай...

— Извини, — смутился он. — Ты... Надюша, ты просто знай, что если нужна помощь какая, то всегда можешь обратиться ко мне. Хорошо?

— Хорошо, спасибо, — поблагодарила я его, понимая, что

Ренат будет последним человеком, к кому я обращусь за помощью.

Именно потому что он захочет награды...

Да, да, награды определенного рода.

Когда-то давно, еще в начале нашей семейной жизни с Богданом, он оказывал мне знаки внимания, которые я посчитала неуместными и лишними для замужней девушки. Мне вообще было очень странно, как Ренат решился на подобное! Ведь мой муж — его брат! У меня в голове это не укладывалось. И я... в какой-то момент я даже подумала, может это свекровь просит сына меня дискредитировать? Показать моему мужу, что я мало того, что безродная, но еще и доступная? Это было мерзко.

Я отказала Ренату, конечно. И мне показалось тогда, что младший брат мужа это понял и больше никогда не предпримет попыток приблизиться.

Он и не предпринимал.

Он вообще уехал из страны на несколько лет.

Мы пересекались очень редко на семейных праздниках, где я всегда присутствовала рука об руку с мужем. Я, конечно, замечала взгляды Рената. Очень говорящие взгляды. Наверное я ему по настоящему нравилась.

Из-за меня ли он уехал тогда, я не знаю. Вроде бы у него там с бизнесом что-то было, но не сложилось, а может, просто контракты закончились. И теперь он вернулся, чтобы присоединиться к гостиничной сети Ильяса и Богдана.

Оставалось надеяться, что тогда он все-таки покинул страну не только из-за меня, иначе теперь у меня могут быть сложности с Ренатом, ведь я скоро стану свободной.

Свободной, но только юридически. А в душе я скорее всего так и останусь только женой Богдана...

По крайней мере сейчас я даже не представляла себе как смогу с кем-то другим. как другой будет меня касаться, ласкать, целовать. Думала об этом и по коже мурашки отворачивания бежали. Уж лучше одной!

Не знаю, может, конечно, это просто пока такая дикая реакция.

Но уж точно, я думала, что брат мужа будет последним мужчиной с которым я захочу отношений. Второй раз заполучить в свекрови Ираиду — это было бы слишком.

А может, наоборот? Сделать так им назло? Думаю, это взбесило бы всех. Свекровь в первую очередь. Да и Богдана.

Он всегда любил хвастаться, что у него в жизни всё сложилось успешнее, чем у брата. И в бизнесе, и в личном. Хотя, наверное, и тут Богдан только посмеется над Ренатом, скажет, что тот как одежду за ним донашивает, взял его обеды.

Фу, мысль показалась настолько мерзкой, что я даже всхлипнула...

— Ну, отдыхай, Надя, — отошёл он в сторону. — Если что — я тоже тут. Решил заночевать у родителей.

Какая приятная новость... в кавычках, конечно. Впрочем,

какая мне разница — ко мне в комнату он ведь не полезет?

Не осмелится, конечно. Я, наверное, слишком плохо о нём подумала...

11.

Пока раскладывала нехитрые вещи, что успела захватить с собой, на тумбочке у кровати и снова погрузилась в грустные мысли, не заметила, как в комнате оказалась не одна — пришла свекровь. Видимо, ей показалось, что мы не договорили.

— Как ты тут? — спросила она, когда я заметила её у себя в спальне.

— Также, — ответила я, пожав плечами.

Какого ответа она ждала?

Что мне больше не больно? Больно, очень даже.

Так больно, что выть хочется. Но кому в этом доме это интересно? Точно не свекрови.

— Знаешь, Наденька... — завела она разговор, в который я решила не вмешиваться. Пусть выскажется, если считает нужным. Всё равно ведь не уйдёт, пока не скажет всё, что хотела. — Ты подумай всё-таки. Не руби с плеча... Подать заявление и развестись это быстро, а вот брак построить да сохранить...

Так-то оно так. Я была согласна с Ираидой. Но не тогда, когда замешана измена.

Это не мой выбор и решение, это выбор Богдана.

Это он разрушил и убил нас, а не я.

Мне-то к чему это говорить?

Что тут сохранять, если он хотел, спал с другой женщиной, сделал ей ребёнка и не против развода? Выставил меня вон?

О чём ещё я должна тут думать? Напроситься к ним третей?

— Найди силы простить. Будь мудрой... Сохрани семью, — продолжала бубнить свекровь под моё гробовое молчание. — Он ведь женился тогда на тебе вопреки всему. Значит, что-то ты значила для него. А может, и сейчас тоже значишь. В конце концов, ты сама виновата!

Я не выдержала и посмотрела на неё возмущённо в ответ. Я? Виновата?

Так это я сунула детородный орган её сыночка в детородный орган чужой тёти? Так что ли?!

Но свекровь снова не дала мне и рта раскрыть.

— Ты так себя запустила, детка, — покачала она головой. — посмотри на себя. Макияжа нет, маникюра тоже. Ты... поправилась как-то, обрюзгла что ли... А ведь ты еще совсем молоденькая!

Она серьёзно? Серьёзно будет оправдывать гульки своего любимчика, потому что я выгляжу плохо? к слову сказать, её другой сын так совсем не считал!

— Займись собой. Начни ходить в салоны, на массаж, на фитнес. К косметологу, в конце концов. Губы у тебя... маловаты. С бровями что-то делать надо. Причёска слишком простая. Сделай из себя нормальную, современную женщину!

Может быть, Богдан снова тебя захочет. Подумай над этим...

Я опешила. То есть искусственные, как у утки губы и та-туированные брови это нормально и современно? Всё с ней ясно. Анфиса её удовлетворит.

— Вообще-то, Богдан меня сегодня сам выгнал. И сделал ребёнка моей подруге.

— Э-э... — протянула свекровь.

Что, не ожидала такого от своего драгоценного сыночка?

— Ребёнка? Получается, у Богдана будет ребёнок... Ну, это, конечно, всё усложняет, — проговорила наконец она. — Но... я просто не понимаю, как... Ведь любил он тебя.

Она замолчала. Идеальный лоб прорезала морщина.

— Ну... на самом деле... А чего ты ждала? — Ираида окинула меня презрительным взглядом. — Ты же не смогла ему родить, Надя? Придётся, значит, и потерпеть тебе этого ребёнка...

Потерпеть? Мне? Что и зачем я должна терпеть, если муж меня уже выгнал?

У меня просто не было сил объяснять ей что-то.

Слёзы снова закапали из глаз от боли и унижения.

У Богдана будет ребёнок. Не со мной...

Этим всё сказано.

— Думай, Надя, думай.

Я не ответила ничего.

Свекровь ушла, а я легла на постель и горько заплакала, сминая кулаками постельное бельё.

12.

Не знаю, чего я ожидала от разговора со свекровью, понимала же, что она меня никак не поддержит. Но тут я хотя бы смогу пожить несколько дней. Дом большой. Можно вообще с ней не пересекаться.

Спасибо свёкру — утешил, поддержал. Ему ведь было стыдно за сына. Это я поняла.

Мне тоже стыдно. Стыдно, что не удержала любимого. Стыдно, что, возможно, по сути многое из того, что сказала свекровь — правда.

Я была очень молода, влюбилась без памяти. Мне казалось и он тоже по-настоящему любит. А вот как все обернулось.

Оказывается, по мнению свекрови, тогда он на меня клюнул просто потому, что я была молодая и свежая. И больше я ему ничего дать не могу. То есть теперь, я уже не молода, не так хороша, да еще и родить не в состоянии.

Господи, мне и так плохо, зачем же еще добивать?

Уснуть у меня не получилось.

Я вышла из гостевой спальни — да уж, свекровь, конечно, еще добила, тем, что даже постелила мне не в той комнате, где мы раньше все время останавливались с Богданом. Выгнать меня она побоялась, да и Ильяс Дамирович не позволил бы.

Спустилась на кухню, налила остывшего чая, размешала в нём ложку мёда. Потом увидела, что в гостиной еще догорает камин.

Захотелось посидеть там, прямо на ковре у огня. Мне всегда нравилась именно эта комната с камином, я мечтала, что мы с Богданом тоже построим дом и у нас тоже будет камин.

Богдан...
Интересно, я когда-нибудь смогу нормально вспоминать его? Без боли. Успокоиться... Меня начинает колотить, стоит только подумать. Я просто не могу понять, за что? Я ведь так его любила! И ведь мне казалось, что он тоже!

Как мне было хорошо с ним! Я ведь так искренне любила, отдавала всю себя! Я старалась обеспечить ему тыл, сделать всё!

Каким он был внимательным, осторожным. Как красиво ухаживал. Был галантным, уверенным в себе. Рядом с ним я легко поверила в то, что я красивая, что я самая лучшая. Он доказывал мне это так страстно. И любил повторять, что ему не было ни с кем так сладко как со мной...

И почему же тогда? Почему? Что я сделала не так, где ошиблась?

— Не спится, Надюш? — низкий голос заставил вздрогнуть.

Ренат зашёл тихо, я не услышала, но не испугалась, просто расстроилась, что он нарушил мое тихое одиночество.

Помешал мне жалеть себя.

Хотя жалеть на самом деле и не стоило. У меня не было на это времени.

Надо было брать себя в руки и думать, как жить дальше.

— Извини, если помешал. Ты не против, я сяду рядом?

— Я уже ухожу, прости.

— погоди, Надюш... не торопись. Мне надо тебе кое-что сказать важное.

Я понимала, что ничем хорошим наша встреча не закончится, но сбежать быстро не получилось, и я поняла, что придётся мне сегодня выслушать ещё и Рената.

Он присел рядом и какое-то время смотрел на огонь вместе со мной, а потом повернулся ко мне лицом.

13.

— Тебе работа нужна? — задал он очевидный вопрос.

— Да, — кивнула я. — Нужна. Но пока не представляю, где её найти. Я уже давно не подтверждала свою квалификацию повара. Мне как минимум придётся пройти какую-то переподготовку.

— Знаешь, тут я могу тебе помочь, — он снова посмотрел мне в лицо, ожидая реакции.

— Как?

— Я заведу ресторанами нашей отельной сети, ты забыла? — изогнул он бровь.

— Конечно, я помню, — пожала я плечами. — Но я не готовила для ресторанов никогда.

— Поваром быть не придётся, но ты и с этим справишься, я уверен, — улыбнулся мне брат мужа. — Ты очень вкусно готовишь. Я помню, как на одном твоём дне рождения мы собирались у вас, и я чуть пальцы не съел вместе с едой, приготовленной тобой, и даже тарелку вылизал, пока никто не видит.

Я мягко рассмеялась. С чувством юмора у парня всегда было отлично.

Как и у Богдана...

Ну вот — я снова о нём вспоминаю.

Опять тело прострелило болью. И огнём опалило!

Богдан!

Любая мелочь жизни напоминает мне о неверном, но всё ещё таком любимом муже.

Все мои дороги ведут к тебе...

И как же мне хочется проснуться и понять, что ничего этого не было! Я не заставляла его с подругой, я не видела их в постели, он не будет отцом её малыша! Он мой... всё ещё мой!

Любимый...

— Надюша, — низкий голос Рената вернул в реальность, — я готов помочь, если надо. Только скажи.

— Спасибо, Ренат. Я подумаю. Работа мне нужна, но я не уверена, что всё-таки справлюсь.

— А я в тебе уверен.

Ренат осторожно положил свою ладонь на мою руку, я смотрела на его пальцы, и думала — если бы это Богдан пришёл! Если бы он...

— Надюш... я просто... честно я в шоке, и не знаю, что сказать. Мне жаль, что всё это случилось с тобой, и тебе придётся перенести такую боль.

— Ничего не надо говорить, Ренат, — сказала я, высвобождая свою руку. — Давай помолчим.

— Нет уж, извини... молчать я не привык... Этот... — мне показалось или он реально зло и гадко выругался сквозь зубы? — Прости, этот идиот...

— Он твой брат, Рен...

— Увы. Знала бы ты, как я жалею иногда.

Неожиданно Ренат забрал у меня чашку, взял обе ладони. Я почему-то сильно опешила, просто не знала что делать.

— Надя, ты... ты замечательная. Ты невероятно красивая женщина. Милая, скромная, умная, ты... — не скрою, мне было приятно, что он это говорит, но всё-таки, я оказалась совсем не готова.

— Ренат, я не...

— погоди. Выслушай. Ты... Ты мне нравишься, Надя. Ты всегда мне нравилась, с самого первого дня. Сильно.

Его голос стал глухим, низким и... каким-то опасным. Я почувствовала, что дрожу.

Боже, зачем он вот так? В такой момент? Неужели не понимает, что мне сейчас тяжело и без этого?

— Наденька, ты... Брат просто идиот. Как он мог так с тобой? Ты такая нежная, такая мягкая, красивая... Как он мог тебе ляпнуть, про фигуру? Где ты толстая? Ты такая аппетитная, такая...

Он обнял меня так внезапно, что я даже не успела никак отреагировать, отстраниться, помешать, только ойкнула, пытаюсь вырваться. Если бы это было просто... Ренат так же высок и силен как и мой Богдан, настоящий мужчина, такой, как я, с ним не справиться.

— Надя, какая ты... Как вкусно пахнешь...

14.

— Ренат, ты что? Прекрати немедленно, я не давала повода! — Округлила я глаза. Не ожидала совсем, что Ренат развернёт такие активные действия. Старалась говорить негромко, но четко, давая понять, что против его приставаний. Нашёл время и место! Не дай бог нас сейчас ещё и све-кровь тут застучает!

— Мне не нужен повод, — говорил Ренат, сжимая меня крепче. — Я хочу, чтобы ты знала, как я к тебе отношусь. Люблю тебя, ты слышишь? Я тебя никогда не предаю, буду рядом. Только позволь мне!

Он прижимал меня к себе страстно и настойчиво, но в то же время я ощущала — Ренат дает мне возможность увернуться, увильнуть. А у меня вдруг голова закружилась, меня начинало колотить — на мгновение он так напомнил мне мужа! Словно его живой призрак...
 Тёплый. Рядом. Почти родной.
 Всё ещё любимый.

Он невольно напомнил, как мне было хорошо с мужем... А с Ренатом? Разве с ним будет также? Он ведь не Богдан! Я это прекрасно понимала. Но их такая сильная схожесть меня просто убивала.

— Ренат, прошу... пусти... пожалуйста, — толкала я его, испугавшись собственных мыслей.

— Надя, ну подожди. Ты подумай. Нам будет хорошо вме-

сте. Я всё для тебя сделаю!

Эти слова стали для меня триггером!

Я вспомнила как несколько лет назад то же самое мне говорил Богдан. Также меня добивался, а я была не уверена в том, что готова к отношениям со взрослым, состоятельным мужчиной, боялась, что он меня просто использует.

Так ведь и вышло в итоге.

— Ренат,пусти! — теперь уже я не миндальничала, сказала резко и ударила ему по рукам. — Мы в доме твоих родителей, я разводиться с мужем собираюсь, после того, как как он сделал мне невыносимо больно, а ты что делаешь? Неужели не понимаешь, что это сейчас неуместно? Да и твои родители будут против!

— Мне плевать, если они будут против! — горячо говорил мужчина и сам верил в свои слова. —Плевать! Богдан не мог тебя от матери защитить, а я смогу.

— Да не в этом лишь дело, — покачала я головой. — Мне сейчас не до этого, ты понимаешь? Мне не нужен никто. Никто! Не нужны отношения. Я просто пытаюсь выжить!

— Я готов тебе помочь, во всем! Я же сказал уже. И работа, и жилье. Всё у тебя будет, ласковая моя, нежная!

— Нет, Ренат! Если...ты будешь настаивать я не приму твою помощь! Уйди.

Он отпустил меня резко, придерживав, чтобы не упала. Опустил руки и голову, глухо вздохнул.

— Прости, я... Я просто хотел, чтобы ты знала, какие чув-

ства у меня в душе. Что я за тебя... я ради тебя на все готов. Скажешь "нет" — просто буду рядом. Помогу в любом случае, какое бы ты решение не приняла. Можешь мною распоряжаться. Но... Я отступить не намерен. Отвоюю тебя, слышишь?

Я слышала, и мне было еще больнее. Не хотела я никакой войны. Воевать не хотела. Драться за любовь. Я хотела просто любить мужа, родить ему малыша, устраивать наш быт, его тыл... Очень хотела.

А он...

Ничего у нас не вышло.

Мне больно и плохо, и брат мужа тут явно сейчас лишний.

Я встала, проигнорировав руку Рената.

— Поздно уже, пойду спать. Утро вечера мудренее.

— Подумай, Надя. О нас. Обо мне. О моей помощи. Мать... Она тебя отсюда все равно выживет, как бы батя не заступался. А я помогу.

— Спасибо... — ответила я сухо и обошла его.

Я зашла в спальню, прислонилась лбом к холодной двери.

Боже, за что мне все это?

Ренат...

Я ведь действительно подумывала принять его помощь, но после всего этого как я могу это сделать?

Он будет рассчитывать на что-то большее, чем просто работа, это очевидно.
Только я ему ничего дать не смогу.

Я болела, болею и ещё буду долго болеть только Богданом.

Я знала, что нравлюсь его младшему брату. Но надеялась, что это просто блажь, каприз молодого мужчины, и что это вскоре пройдёт.

Получается, он не смог меня забыть?
 И что же теперь?

Куда ни кинься — сплошная западня.

Я осталась одна на всем белом свете. Совсем одна. Что мне делать?

15.

Утром я не смогла встать. Мне было так плохо из-за того, что случилось вчера.

Я словно разбитая чашка стала.

Жизнь перевернулась. Всё развалилось. Рассыпалось, всё оказалось ложью.

Вся любовь и слова Богдана, вся семейная жизнь и пять лет брака. Вся жизнь оказалась вдруг враньём. Но ведь муж в последнее время ничего такого мне не говорил! Ни про лишний вес, небольшой, да, но все-таки... Ни про тонкие губы, ни про то, что брови как-то не так нарисованы. Он не говорил мне, что мною стал недоволен, может быть, я бы тогда что-то с этим сделала. Но Богдан предпочёл найти себе утешение на стороне.

Да и страсть у нас была! Конечно, реже чем в первое время после свадьбы. Но была!

Лежа в холодной постели я пыталась анализировать, вспоминала последние месяцы. Как и когда изменился Богдан? Как и когда я это пропустила?

Ответов у меня не нашлось. Я не понимала своих ошибок, если они и были.

Жизнь кончилась?

Нет.

Почему-то именно в тот момент, чувствуя себя отврати-

тельно, я решительно сама себе заявляла — ничего не кончилось!

Я это переживу Выживу.

Всё преодолею! Всё перенесу.

Не будь я Надежда Соловьева!
Мамочка когда-то называла меня Соловушка, говорила, что я хоть и маленькая, но сил у меня много. Как у соловья, который может петь ночь напролёт!

Я тоже любила петь. И готовить. Месила тесто, напевая детские песенки, нарезала овощи, мурлыкая романсы, отбивала мясо — голосила что-то современное.

Голос у меня был хороший. А уж как я готовила!

Может быть, мне реально стоило принять предложение Рената?

То предложение, которое касалось работы? Почему нет?
Оно ведь ни к чему не обязывает меня. Младший брат мужа (бывшего мужа! снова одёрнула я сама себя) ведь Ренат сам сказал, что готов оказать помощь просто так, какое бы я решение не приняла. Значит, подсознательно готов ко всему.
Я смогу ему донести, что не готова на что-то большее, а возможно, он и сам поймёт. Это просто был порыв у него вчера, но постоянно наткаться на стенку никто не будет. Даже если Ренат на что-то и рассчитывал, ему придётся смириться, что ничего между нами не будет, есть масса “но” в нашем случае, он должен это понимать и сам.

Я решительно села в постели.

Я больше не хочу плакать и страдать.

Хватит наматывать сопли на кулак!

Нужно что-то делать. И начну я с предложения о работе Рената. Всё же работать по знакомству лучше, чем искать какое-то непонятное место у чужих людей. И зарплатой меня не обидят, не обманут, дадут двигаться дальше по карьерной лестнице, что сейчас самое важное.

Хватит ныть, Надежда. Бери себя в руки и просто делай то, что нужно.

Сейчас необходимо устроить свою жизнь. Пусть и без него, но я буду жить и ещё стану счастливой.
 Я им всем нос утру! Они у меня ещё посмотрят!

Богдан поймет, кого потерял.

Свекровь бесцеремонно без стука ввалилась ко мне в спальню, прерывая мои мысли. На стук в дверь её вежливости и воспитания, видимо, не хватало.

— Ты чего разлеглась? — окинула она меня взглядом, сидящую на постели. — Давай-ка, поднимайся.

Во мне рос протест. Почему она позволяет себе быть такой бесцеремонной? Однако ругаться с ней мне не хотелось, да и сил на это просто не было.

— Извините, я неважно себя чувствую, но я уже встаю,
— ответила я.

— Неважно, это как? — сморщилась она. — Что за плебейское выражение? У нас тут не курорт. Давай-ка, сбегай

на рынок за продуктами.

— Э-э... — опешила я. Она отдавала приказы мне как прислуге. Неприятно, меня просто покорило с этого. Ну с другой стороны, это меньшее, чем я могла бы оплатить им за комнату, хотя, пожалуй, так к родственникам всё же не относятся. Но я решила не спорить.

— Хорошо, — ответила я. — Если нужно, я сейчас оденусь и схожу.

— Одолжение она мне делает... — фыркнула свекровь, а я покосилась на неё.

Какая муха её укусила? Вчера мы, конечно, расстались не лучшим образом, но сейчас она кидалась на меня так, словно я её уже опять успела чем-то разозлить за эту ночь.
— Ох и лентяйка ты, Надежда. Привыкла, что всё за тебя возят-привозят. А еда из воздуха-то не берётся, — продолжала бубнить свекровь, словно решив мне испортить настроение уже с утра. — Я Богдана понимаю. Не выдержал тебя. Да и кто бы выдержал? Он привык к другому уровню, а ты... Взяла его просто... одним местом.

Я уставилась на свекровь в шоке. Не ожидала от неё таких резкостей. Всё-таки она держала себя в руках раньше. Правда, раньше я была женой её сына, а теперь... Если мы разводимся — я никто, получается. Приживалка.

— Ираида Довлатовна, зачем вы так? — проговорила я, чувствуя ком в горле. Она специально была по больному, но зачем? Ведь сама вчера уговаривала подумать о нашем раз-

воде и, возможно, его отложить. А сегодня словно душу решила встряхнуть из меня.

— Он на тебя клюнул, потому что ты была свеженькая, — продолжала распинаться Ираида, — Миленькая, изящная... Была! Ну и... Мужики любят, когда девочку до них еще никто не трогал. А такие, как ты, ещё любят прикинуться...невинной овечкой!

— Послушайте, да как вы...

— Спокойно! — перебила она меня. — Ты у меня в доме. Изволь слушать!

— Нет, извините! — встала я на ноги, чтобы уже не быть ниже неё. — Я слушать гадости не обязана!

— Рот закрой! Не обязана она! Ильяс на работе, так что защищать тебя некому и ты меня слушаешь! Ишь, принцесса какая, на горошине! Не постеснялась к нам в дом явиться.

Интересно, а куда мне было идти? Я наивно полагала, что мы всё-таки одна семья. Растерялась, не знала куда девать себя, пришла сюда за помощью, а она...

Я просто в осадок выпала от утреннего напора свекрови. Знала, что меня не любит, не пришлась я ко двору, но чтобы вот так...

— Я поговорила с Богданом. И вот, что тебе скажу. Вчера я была против вашего развода, а сегодня даже и не знаю, что сказать! Ты... Ты повела себя просто как...мерзавка какая-то! Обругала его, наговорила гадостей его девушке, ко-

торая, между прочим, твоя подруга!

Я смотрела на свекровь широко распахнутыми глазами и мне казалось, что она просто с ума сошла. О чём она вообще говорит? И, главное, зачем?

— Ты неблагодарная, бессовестная дрянь! И, конечно, здесь ты не останешься.

Это её заявление меня просто убило.

Я понимала, конечно, что если позвоню Ильяссу Дамировичу — он поможет. Но мне не хотелось оставаться тут даже если он скажет своё веское слово. Нужно собирать вещи.

— Так. Оформит развод Богдан и скатертью дорожка! — продолжала мать моего бывшего мужа. — Сделай так, чтобы больше мы тебя не видели! На первое время тебе даст денег Богдаша, конечно, нотолько на пару месяцев, не больше. Так что ищи работу. И не вздумай что-то просить у моего Ильяса! Я тебе такое устрою... Сиротинка!

И она ушла, хлопнув дверью.

Вот так слетел с Ираиды весь налёт и блеск её хваленного воспитания.

Я молча встала, оправила рубашку, которую нашла вчера в той спальне, где ночевала раньше, и прошла в ванную. Можно хотя бы в этом доме умыться?

Меня шатало. Встала под душ, чувствуя, что в желудке собирается странная горечь. Еле успела добежать до раковины как меня вырвало.

16.

Реакция моего организма была вполне предсказуемой. Сколько можно нервничать? Сколько ещё готов он вынести потрясений? Конечно, меня просто вывернуло от всего этого!

Я умылась, после того, как мне стало немного легче. Меня трясло, ноги плохо держали. Конечно, такой стресс не мог пройти бесследно для меня.

Но брать себя в руки придётся. Иначе я такими темпами совсем своё здоровье угроблю... Я не ожидала от свекрови такого, даже несмотря на то, что знала: она меня не жалует. Но чтобы вот так? Прямых оскорблений она себе никогда раньше не позволяла, иначе я бы не пришла сюда. Я надеялась, что она меня поймёт как женщина — женщину, но женская солидарность у неё проявилась к Анфисе...

Что на неё нашло, я просто не понимала.

Вчера мне показалось на какой-то момент, что Ираида даже прониклась моим положением, пожалела меня. А что же сегодня?

Неужели Богдан позвонил свекрови и потребовал меня выгнать? И судя по словам его матери ещё и наврал с три короба. Хотя на Богдана это не похоже. Он никогда не врал, даже в мелочах... Свекровь могла и сама насочинять...

И я тут же горько вздохнула.

Не врал он, как же!

Надя, Надя... Ты такая наивная чукотская девочка!
Теперь-то я знала, что все его вечерние заседания, вал работы, конференции, командировки — скорее всего, просто прикрытие для его свиданий с любовницей. А может, даже и любовницами.

Как я могла в это верить ещё вчера?

Ладно, хватит уже себя жалеть и перебирать одно и то же.

Надо понять как дальше жить.

Я расчесалась у большого зеркала в ванной, собирала волосы в хвост и размышляла.

С жильцами моей квартиры, конечно, очень некрасиво вышло. Надо им самой перезвонить, объяснить, дать время на переезд. Куда мне самой деваться на это время?

У свекрови я точно не останусь. Значит, выхода нет — остаётся гостиница.

Этот вариант меня изначально не устраивал потому, что у моего мужа гостиничный бизнес, и в городе нас хорошо знают. И если я, жена Богдана Кантемирова, поселюсь в отеле, то через час все наши знакомые будут знать, что у нас проблемы. Но теперь, получается, вариантов нет, или...

Ренат.

Он обещал помощь.

Я думала об этом и внутри поднималось такое странное, жгучее чувство. Почему вот так бывает? Всё наоборот!

Самый близкий человек, которому ты всю себя отдала, од-

нажды отворачивается и вышвыривает как ненужную, сломанную вещь. А другой, с которым ты, по сути, никаких отношений не имела, которому отказала, которого не принимала в расчёт — готов протянуть руку помощи.

Принять от него помощь — это дать ему надежду.

Принять от него эту помощь — значит, дать ему надежду.

Брат моего мужа вчера сказал, что любит, значит, не отступится так просто.

Поверила ли я в эти слова? Не знаю.

Раньше я думала, что тут соперничество братьев замешано. Что Ренату я нравилась только потому, что его брат меня выбрал. Может, он хотел доказать Богдану, что тоже чего-то стоит, и действовал через меня?

У них какие-то очень запутанные отношения. Вроде братья, вроде близки, но все время устраивали соревнования меж собой. Увы, этого мне было не понять, я росла одна.

Так что помощь Рената весьма сомнительна, принимать её не хотелось.

Но... почему-то мне стало чуть теплее от того, что эта помощь всё-таки есть. Хоть кто-то готов вступить за меня в этом большом мире, который словно ополчился против.

Я закончила с умыванием и вышла в комнату. К счастью, свекровь уже удалилась.

Быстро переоделась в ту одежду, которая была на мне вчера. Подумала, что надо ехать домой, собирать вещи.
Домой...

А это теперь и не мой дом вовсе. И я, в общем, что называется “сама дура виновата”. Ведь Богдан говорил мне, что готов переписать на меня квартиру, мол мало ли что... Говорил он это и до свадьбы, и после — тоже. А над брачным контрактом посмеивался, замечая, что если я ему рожу трех или четырех малышей, то этот контракт можно просто в унитаз спустить. Я не настаивала на том, чтобы переписать имущество на себя. Доверяла ему, как самой себе. И вот...

Я не родила. Зато Анфиса теперь сделает это за меня...

Спустилась вниз, приняв решение не отвечать на провокации свекрови. Остаться в доме я, конечно, не планировала, но уйти, даже стакана воды не выпив — не смогла. В желудке были неприятные ощущения, хотя есть не хотелось, но выпить сладкий чай или кофе с молоком было необходимо.

За кофе я планировала заняться поиском номера в приличной гостинице для себя. Не ехать же просто в пустоту?

17.

К счастью, свекрови на кухне не оказалось. Я решила сварить себе кофе — почему-то из кофемашины пить мне не очень нравилось. Кофе, приготовленный на огне, казался мне вкуснее. Я поставила турку на стол, засыпала в неё молотые зерна, налила воду. Пока туска стояла на огне, я решила позвонить жильцам.

— Алло? Галина Николаевна, это Надя, — говорила я в трубку, присматривая за кофе, чтобы он “не сбежал”. — Вы извините за то, что вам наговорил по телефону мой муж. Это недоразумение. Нет, вам не надо съезжать ни сегодня, ни через три дня. Но квартира мне, увы, нужна...

Мы договорились о том, что они будут искать жилье, и как смогут — съедут. Понимаю их недовольство. У них свои проблемы, но и меня тоже понять можно. Нашли, так сказать, золотую середину.

— Какой запах, м-м... — услышала я за спиной голос Рената и слегка вздрогнула от неожиданности, едва не выронив турку. В последний момент успела снять её с огня. — А на меня останется?

— Бери, — пожала я плечами, понимая, что сварила кофе с запасом, и при желании его хватит и на две порции. — Тебе с молоком, с сахаром?

— Как ты себе сделала, так и мне сделай.

— Ладно.

Я добавила ему немного сахара, как себе. Без молока. Поставила перед ним чашечку и села напротив со своей.

— Спасибо, — поблагодарил он, а меня едва не перекосило от боли.

Его голос резал мне по сердцу острым осколком стекла. Низкий, тягучий, такой... чувственный. И он так похож на голос Богдана! Мне почудилось, что меня за кофе поблагодарил муж. Даже головой потрясла, чтобы прогнать непрощенный морок...

Почему же так больно? Когда же станет легче?

— Ты жильцов зачем прогоняешь? — спросил младший брат моего мужа, который не догадывался, какие сейчас страсти кипели внутри меня из-за него. — Пусть живут.

Первой мыслью было — ответить резко. Какая ему вообще разница, как я буду разбираться со своими жильцами? Почему все вокруг за меня решают? Я сама в состоянии придумать, что мне делать с моей квартирой. Да, мне тяжело сейчас очень, и ещё вчера я не могла принимать никакие решения, но сегодня мне стало самую малость легче. Этой малости хватит, чтобы разобраться с арендой собственной квартиры без чужих советов.

— Спасибо, я сама решу этот вопрос, — ответила я сдержанно и сухо.

Ренат внимательно смотрел на меня, словно подбирая слова, которые мне хотел сказать.

— Надя, моё предложение в силе, — отпил он из чашки.

— Ну, потрясающий кофе ты варишь. Не зря ты повар.

— Спасибо, — снова сухо повторила я, игнорируя комплименты. Много ли нужно ума, чтобы просто не спалить кофе в турке? Тогда он в любом случае будет вкусный, если просто не жжёный. Такой себе комплимент... Да и вообще они сейчас как никогда неуместные. Также я не удостоила ответом и его предложение о работе, но Ренат не сдавался.

— Я открываю новый ресторан, — продолжил он говорить, не сводя глаз с меня и словно наблюдая за моей реакцией. А зря. Никаких эмоций и чувств после изматывающей ночи слёз во мне не осталось. Я ощущала себя просто роботом, который просто делает то, что надо сделать. Никаких эмоций, если их желал увидеть, он сейчас не дождётся. Я словно пустой сосуд. Но всё равно слушала то, что мне говорил мужчина. — Повар мне не нужен, мне нужен управляющий. Человек, который сделает из этого места настоящее семейное заведение, с домашней кухней, уютное. Такое как... Как твой дом.

Я кинула тяжелый взгляд на него. Он специально, что ли?

Что за семейка такая, прямо привычка у всех бить по больному!

— У меня больше нет дома, — сказала я ему, глядя в стенку невидящим взглядом, а потом встала на ноги. Пора уходить отсюда, и надеюсь, навсегда. — Извини, Ренат, но я не готова принять твоё предложение.

— Почему? — остановил он меня на выходе из кухни.

18.

— Почему? — уставилась я на него. — Ты ещё спрашиваешь? Ренат, не заставляй меня говорить тебе неприятные вещи. Ты же бизнесмен и умный мужик — вот и подумай сам!

— Надь, я... — протянул он руку и коснулся моей, и я отдернула руку. Меня окончательно это взбесило. Просто крапы уже сорвало. Чашечка терпения переполнилась конкретно и всё начало выливаться из неё.

Хочешь знать правду? Ну слушай.

— Я не хочу, понимаешь ты это или нет? — встала я на ноги. — Не надо меня трогать! Не желаю я вообще никак относиться к вашей семейке больше. Извини... Я понимаю, что это твоя мать и твой брат, но то, как они со мной поступили, как со мной обращаются... Я не хочу это терпеть. Я хочу уйти отсюда и навсегда обо всех вас забыть!

Я высказалась и почувствовала, что силы покидают меня после такого мощного выброса адреналина в кровь. Я опёрлась о столешницу, пошатнувшись. Что-то ноги совсем уже не держат меня...

Я понимала, что Ренат тут, может быть, меньше всех виноват, но и молчать уже сил не осталось. Что они все лезут в мою жизнь? Кто им дал такое право?

Я просто хочу уйти отсюда, закрыться в своём углу, пусть и съёмном, и зализывать свои раны, пока не станет легче и

пока я не смогу это пережить. Сейчас мне тяжело, но всё проходит — и хорошее, и плохое тоже, и в моей жизни ещё будут целые года без боли, я знаю. Но не в том случае, если я от них не отвяжусь!

— Ну хорошо, — нахмурился Ренат. — Мы тебе все не милы, это сейчас понятно. Но ответь тогда: на что жить собираешься? На подачки брата? Уверена, что его зазноба позволит тебя содержать?

Он бил в точку — на что жить? У меня никаких сбережений. Есть тысяч пятьдесят на личной карте, которой я не пользовалась с тех пор как вышла замуж — даже деньги от сдачи моей квартиры капали на счет супруга. Я всегда расплачивалась картами, которые давал мне Богдан, там был неограниченный лимит, но сильно много я не тратила — на что? Теперь эти карты я ему верну. Пользоваться его деньгами не собираюсь, да и сам он может потребовать их назад...

— Не знаю, — процедила я сквозь зубы. — Я вообще ничего от вас брать не хочу, извини. За предложение спасибо, но...

Я хотела выйти, но он просто перегородил выход из кухни.

— погоди. Отказать всегда успеешь. Почему ты не готова принять, что я просто желаю тебе помочь и не могу смотреть спокойно, как жена брата — бывшая жена — в таком положении уходит в пустоту? Почему я не могу тебе помочь? Да, случилась такая ситуация, но мы ведь были одной семьёй. По крайней мере, я так считал, и ничего крамольного в мо-

ём предложении нет. Ну и чего ты тогда такая упёртая? Вот куда ты сейчас?

— В отель, наверное, — пожала я плечами. — Не знаю я, Ренат! Я разберусь сама.

— Разберётся она... — покачал он головой. — Глупости говоришь. Гордой быть легко, когда ты не голодная. Значит так. У меня есть студия, в ней не доделан ремонт. После ремонта я планировал её сдавать, необходимая мебель там уже есть, а если чего-то нет, то можно привезти. Дом располагается как раз рядом с тем рестораном, где я предлагаю тебе место. Соглашайся, Надя. Не глупи.

Я покосилась на него. А он такой молодец — всё уже решил. Опять двадцать пять!

Впрочем, я невольно задумалась.

Я не хотела признавать, но Ренат сейчас был прав. Он говорит рациональные вещи, а я вот поддалась эмоциям и истерию.

Если среди знакомых есть пустующее жильё, то зачем мне бежать в чужой отель?

— Я не хочу жить за чужой счёт, — ответила я, немного подумав, и уже спокойнее. Истериками точно никаких вопросов не решить. — Я всё же поищу себе съёмную квартиру.

— Зачем? — вздохнул уже Ренат, уставший от моего упрямства. Но я в самом деле не желаю жить ни за чей счёт! Тем более, если речь идёт об этой семейке! — За студию я

буду брать плату, если тебе так спокойнее. Как будто ты её у меня снимаешь. Но платить начнёшь сразу как получишь первую зарплату. — А потом он окинул меня внимательным взглядом. — Платить деньгами, а не тем, чем ты подумала.

— Ничего я и не думала... — ответила и почувствовала как щеки краска заливает. Именно что думала, но не признаться же в таком. Об этом я ему даже в порыве страсти минуту назад так и не сказала. А ведь это одна из веских причин, почему руку помощи, которую мне настырно тянет Ренат, я принимать не хотела.

Я опустила глаза и молчала. Такой простой, казалось бы, выбор, ведь никому всё равно сейчас эта квартира с недоделанным ремонтом не нужна, и такой сложный одновременно.

— Надя, — позвал меня Ренат, и я подняла голову. Встретилась взглядом с его карими глазами. Такими же, как у Богдана. И снова боль, словно раскалённое железо по горлу... — Да, я вчера в порыве сказал, что у меня есть к тебе чувства. Но... Ни к чему принуждать и обязывать я тебя не стану. Всё будет только тогда и если ты сама этого захочешь. А пока — просто позволь мне быть уверенным, что одна хорошая добрая девушка не замерзает зимой на вокзале потому что она потеряла крышу над головой. Это просто помощь. Ну, считай, что я твой Дед Мороз на сегодня.

Я нервно закусила нижнюю губу. Каким-то чудом его слова угодили в цель — я всё же задумалась о том, чтобы согласиться хотя бы на квартиру. Соблазн уйти отсюда как можно

быстрее и не на мороз брал надо мной верх.

— Второго моего сына охмуряешь, стерва?

19.

— Не слишком ли быстро? — Ираида легка на помине.

— А ты ещё, оказывается, та шал...

— Мама, не смей так с Надей разговаривать, ясно? — загородил меня собой Ренат.

Я так и открыла рот в шоке. Господи, как хорошо, что я приняла решение отсюда уходить, но не успела. Так ей взбрело в голову, что я строю глазки её младшему сыну? В такой ситуации? Какой бред! Мне не до этого... Но этой женщине, кажется, ничего доказать невозможно. Нужно просто уходить и всё.

— Что? — вскинулась мать Рената. — Ты мне в моем доме указывать будешь? Я все отцу скажу!

— Это пока и мой дом тоже, — одёрнул её мужчина. — А отцу я и сам могу сказать, как ты с его гостьей обходишься! Он тебя за это по головке не погладит. Лучше не кричи, а подай завтрак. Мне на работу, а Наде нужно по делам.

— Подать завтрак? — растерянно захлопала глазами Ираида, а потом злобно покосилась на меня. — Вот пусть Надя тебе и подает! Нашёл служанку!

— Мама! — прорычал Ренат.

Я была в полной прострации от того, как резок с матерью был Ренат. Но как ни странно она его послушала. Замолчала, достала из холодильника продукты, поставила на плиту

разогреваться запеканку и кашу.

Интересно. Раньше она часто ругала Рената, все время ставила Богдана в пример, младшего сына задвигала. Что изменилось после того как Ренат из-за границы вернулся? Богдан мне говорил, что дела у брата идут неважно, а он вот ресторан открывает, и явно не первый.

Что же происходит?

В такой странной обстановке я, конечно, оставаться есть не собиралась то, что свекровь поставит на стол. Хотя желудок сводило от голода и, кажется, снова тошнота подкатывала от голода же, молча обошла Рената и вышла из кухни, намереваясь уже идти обуваться. Сумка у меня уже была с собой, такси вызову на улице. Поеду в ту гостиницу, какую посоветует таксист. Они намного лучше меня их знают.

— Надя, куда ты подорвалась? — выскочил брат мужа за мной в коридор. — Поесть надо.

— Спасибо, Ренат, но нет, — выставила я руки вперёд. — Я в этом доме сыта уже по самое горло. Перекушу в другом месте.

— Конечно! Чужие-то деньги на рестораны тратить не жалко, не ты же зарабатывала их своим горбом! — Слова свекрови раньше бы вызвали обиду, непонимание, но сейчас вызывают протест и желание ответить на несправедливость. Словно за эту ночь во мне что-то неуловимо изменилось.

— Если вы говорите о деньгах вашего сына — не переживайте, чужое я тратить не собираюсь, — сказала я погромче,

чтобы она за шумом кастрюль расслышала меня. — У меня и свое есть. А ещё у меня целые руки-ноги и мозги на месте. И, кстати, деньги от аренды моей квартиры я всегда вкладывала в семейный бюджет! Богдан мне сам должен.

— Ох-ох, много ли там тех денег было! — съязвила она.

— Мама, успокойся, — повернулся Ренат на мать. — Это уже ни в какие ворота. Не превращайся в базарную бабу. Никогда не думал, что ты такая!

Потом он подошёл ко мне ближе.

— И ты тоже, успокойся, Надя. Надо поесть, ты зеленая вся. Поехали, позавтракаем в другом месте.

Живот заурчал, во рту загорчило, действительно, хоть что-то надо было съесть.

Наверное, ничего криминального нет в том, чтобы мы позавтракали где-то вместе. Лишь бы не здесь.

— Ладно, — выдохнула я и продолжила обуваться, а Ренат последовал моему примеру.

— Куда? — выскочила свекровь в коридор как раз тогда, когда брат моего мужа помогал мне надеть шубку. Мне захотелось закатить глаза — ну почему именно в этот момент она вышла? — С ней?!

— Иди на кухню, мама, — строго сказал ей Ренат, подталкивая меня к двери. — Я вернусь уже вечером.

— Но... Ренат! Куда ты с этой... С этой...

Свекровь что-то продолжала бурчать, но её уже никто не слушал. Мы вышли на улицу и захлопнули дверь, отрезав от

нас поток не самых приятных слов в мой адрес.

20.

Мой деверь поставил передо мной кофе и нагетсы с сырным соусом.

Сейчас, утром, особенно сильным было с одной стороны сходство братьев, с другой — отличие. Богдан никогда не готовил и не носил для меня завтрак.

Он обычно приходил, садился за стол, ел, вставал и уходил. Его не заботило то, как я себя чувствую, могу ли я подать ему обед или мне нехорошо, и ему придется самому о себе позаботиться. Такой вопрос даже не стоял. Отчасти, я сама виновата в этой ситуации. Именно я вот так замкнула на себе все хозяйство. На кухне мой муж даже ориентироваться не мог. Не знал, где какая посуда: ложки, вилки, чашки. Только его стакан, из которого он воду пил всегда стоял на столе у кувшина с водой.

И мне нравилось быть хозяйюшкой, которая сервирует стол, накрывает, угощает, потом все убирает, посуду моет. Да, я даже посудомойку редко использовала — ну и куда мне было маникюры разводить?

И я ведь искренне верила, что это нормально, что так и должно быть, все так живут, и что моего мужа все устраивает!

Дура.

Просто голубая дура... Наивная до нельзя.

Господи, да та же Анфиса, какой бы стервой она ни оказалась, говорила мне не раз и не два, что надо задуматься о своей внешности! Не борщами и пирогами едиными мужики сыты! Почему я её не послушала? Может быть, не было бы сейчас так мучительно больно.

— Надя, о чем задумалась? Ешь давай. — Ренат с аппетитом уплетал свой завтрак в кафе фаст-фуда. Почему-то нам захотелось сбежать от всей этой чопорности, надменности и ресторанной еды и спрятаться от всех тут, на островке простой и вредной еды. За окном мело, снежинки кружились и опадали, а нам было тепло здесь, в кафе.

Отвечать я не стала, отпила ещё немного принесённого мне Ренатом капучино. Это единственное, что вообще сейчас лезло в меня от нервов. Потом всё же решилась взять один из наггетсов, окунула его в соус и откусила.

Ну ничего. Обратно не полезло, жить можно.

Интересно, где они купили такие классные панировочные сухари?

Надо бы спросить у менеджера заведения, потом приготовлю Богдаше такие дома...

Я несколько раз сморгнула непрошенные слёзы, которые тут же начали накатывать.

Я опять забылась и рассуждаю внутри себя так, словно мы всё ещё вместе.

Снова боль стиснула грудь словно путами, до крови, оставляя ссадины.

Дышать стало тяжело, будто меня бетонной плитой придавило.

Окстись, Надежда!

Какой уж он теперь Богдаша?

Чужой он тебе совсем, не твой.

Никому больше твои чёртовы наггетсы с чёртовыми панировочными сухарями больше не нужны!

— Ты чего, Надь? — заметил Ренат мою молчаливую историю и дёргания.

Я промокнула глаза салфеткой.

Я не буду плакать из-за тебя, сволочь. Больше не буду.

— Ничего, я... Я в порядке, — ответила я, стараясь держать себя уверенно, хоть мне удавалось это с большим трудом.

Я не хочу, чтобы мою боль, слабость, меня поверженную видели и жалели. Даже Ренат. Тем более — Ренат.

— Уверена? — спросил мужчина. — Может, тебе за каким успокоительными сгонять? Я могу.

— Нет, — покачала я головой. — Ничего не нужно. Эта болезнь лечится только временем.

— Надюш, ты не обращай на мать внимания, знаешь же что она...

Он не договорил, да и не нужно было. Я прекрасно и так понимала. Но теперь это уже неважно.

— Да я нормально, — сказала я. — Спасибо тебе за кофе. Мне, наверное, пора.

— Куда же ты поедешь?

— Ну, сначала на квартиру. — Я специально не сказала “домой”. Слишком больно было. — Соберу вещи. Там решу, что и как.

— Надь, ну не отказывайся от помощи, — предложил в который раз Ренат. — Я же от чистого сердца. Куда ты пойдешь? В гостиницу? Сама знаешь — не лучший вариант. Давай я тебе просто покажу квартиру. Я всё равно планировал её сдавать. И... родители и брат не знают, что она моя. И с работой... Подумай, пожалуйста.

— А знаешь... — посмотрела я на него внимательно.

Окинула задумчивым взглядом.

Чем он не подходит мне своим предложением насчёт квартиры и работы?

Должна же я с чего-то начинать свою новую жизнь.

Мне просто необходимо отвлечься, заняться поиском работы.

Забить голову делами, если хотите, чтобы не позволять себе уплывать в страну горя, где я буду жалеть себя и проклинать других.

Всё уже произошло. Надо сделать выводы из урока жизни, очень дорогого, надо признать, и идти дальше.

Удача сама плывёт мне в руки, мой шанс начать с нуля.

Тем более, Ренат обещал мне, что всё будет в рамках деловых отношений.

Мысль о том, что бывший будет видеть меня успешной,

цветущей, деловой, а не еще более посеревшей и обрюзгшей копией меня, прямо-таки заводила.

Откуда-то во мне появилась решимость: доказать ему, что я чего-то стою. Что я могу быть не хуже этой Анфисы, а может, даже и лучше.

Но для всего нужен стартовый капитал, даже если речь идёт о новой жизни.

— Что ты там говорил про квартиру? — спросила я. — Сколько ты хочешь за неё в месяц? А санузел доделан или пока им нельзя пользоваться?

21.

— С санузлом всё в порядке, — отозвался Ренат, явно довольный тем, что мы сдвинулись с мёртвой точки. — По-едем, покажу тебе? Я только машину сейчас заберу и подгоню сюда.

— Хорошо, — кивнула я. — За завтрак нужно заплатить?

— Всё оплачено, — встал на ноги мужчина. — Допивай кофе. Я сейчас.

Ренат ушёл за машиной, а я отпила ещё немного из стакана, задумчиво глядя в окно на падающие снежинки. Неужели я решилась принять помощь Рената? Отчего-то мне казалось, что это станет тем событием, которое способно повлиять на мою жизнь в целом. Понятия не имею, на чём основывалось такое моё предчувствие, но в голове крутилось именно это — случайности не случайны...

Ренат очень скоро вернулся и помог мне сесть в салон уже прогретого автомобиля.

Мы поехали по заснеженным улочкам нашего города и вскоре оказались возле высокой новостройки. Двор был закрыт шлагбаумом и охранялся. Кто попало на территорию попасть не сможет, и мне это понравилось.

Ренат остановился у одного из однотипных подъездов.

Мы вышли из машины, а когда он закрыл её брелоком, зашли в подъезд и на лифте поднялись на шестой этаж.

Двери на площадке были тоже все одинаковыми: дорогими, красивыми и на первый взгляд довольно мощными и надёжными. Типичная элитная новостройка, которая изначально строилась для людей состоятельных, и потому тут и входные двери были уже отличного качества от застройщика.

Ренат открыл дверь ключом и мы оказались в крошечном коридоре. Да уж, квартирка явно очень маленькая, но для одного человека более чем достаточно места.

— Проходи, — улыбнулся мне Ренат и подтолкнул меня вперёд, видя, что на пороге я растерялась. — Разувайся, шубу давай. И расслабься — ты дома.

Я послушала его, сняла сапоги, шубу до этого отдала ему, и он заботливо повесил его на плечики в большой шкаф в прихожей.

Я же пошла ходить по студии. Собственно, тут особенно смотреть было и нечего.

Одна большая комната, одной частью которой была кухня, в которой как раз и был не доделан ремонт, а в другой — гостиная. Мягкий новомодный диван, который, очевидно, ночью должен был служить и кроватью. А с санузлом в самом деле все было в полном порядке, стиральная машина даже имелась. Только незаконченный ремонт кухонной зоны немного портил впечатление, но учитывая мою ситуацию, это просто мелочи. Тут никто не жил. На диване даже плёнка была заводская...

— Ну как тебе тут, Надь? — спросил брат моего мужа.

— Очень милая студия, — повернулась я к нему. — Ремонт совсем не мешает мне тут жить. Но ты говорил, что тут толком ничего нет, а мебель вся имеется, и техника... Холодильник даже.

— Ну, это так, бюджетный вариант, — пояснил мужчина. — Не для себя же покупалось, для жильцов. Но если тебе не нравится, мы можем все заказать новое, тех фирм, к которым ты привыкла.

— Не нужно ничего покупать для меня, — покачала я головой. — Я же тут ненадолго... Не хочу тебя стеснять.

— Ты меня не стесняешь, Надь.

— И всё равно, я тут не останусь надолго, — стояла я на своём.

— Ладно, — вздохнул Ренат, видимо, решив довольствоваться пока тем, что есть. — Насчёт работы тоже подумай пока.

— Я ещё не решила, — ответила я и отвела глаза в сторону. На это мне хотелось соглашаться ещё меньше, чем на проживание в его студии. Тогда нам придётся общаться чаще, а мне бы этого не хотелось.

— Но всё равно подумай.

— Хорошо.

Увы, я понимала, что вынуждена буду сказать "нет". Спасибо ему за крышу над головой, но работу попытаюсь поискать и сама... Когда силы на это будут. Мне и это решение

нелегко далось, теперь я чувствую снова какую-то апатию и дикую усталость. Мне очень захотелось, чтобы Ренат ушёл сейчас, чтобы я могла побыть одна, но не выгонять же мне его из собственной квартиры?

— Ты такая бледная, Надюш. Ты нехорошо себя чувствуешь? — он придвинулся ближе, я даже почувствовала аромат его одеколона, и тела...

Вот поэтому! Поэтому я должна сказать Ренату “нет”. К добру нас это не приведёт, да и мне больно, общаясь с ним каждый раз невольно вспоминать Богдана.

Мне надо развестись и забыть о семье Кантемировых. Навсегда.

— Все нормально, — отодвинулась я от него. — Переживу. Ренат, я если честно очень устала и...

— Понимаю, — кивнул он, не обидевшись на меня. — Хочешь одна побыть.

— Да.

— Продукты тебе привезти? Тут совсем ничего нет.

— Я сама схожу, — отказалась я. Присутствие здесь брата моего мужа стало просто невыносимым, а меня накрывала снова тихая истерика. — Видела магазин... Когда мы заезжали во двор.

— Да, тут недалеко есть магазин. Может, доставку оформить тебе?

— Ренат. Ничего не нужно, — повернулась я на него. Моему терпению приходил конец.

— Ладно, — кивнул тот и выложил связку ключей на стол.

— Вот ключи. Если что — звони.

— Спасибо, — ответила я ему, глядя при этом в окно.

— Пока, Надь. — Ренат словно пытался получить от меня хотя бы один взгляд.

— Пока, — сухо ответила я окну.

Так и не получив от меня никакой больше реакции, мужчина тихо вышел и захлопнул за собой дверь.

22.

Я прошла в кухонную зону. Надеюсь, хотя бы чай тут имеется? На худой конец, просто кипяток. Мне нужно было успокоиться.

Чайник тут имелся, электрический. Я ополоснула его в раковине, налила в него воды и поставила на специальную подставку. Какое-то время сидела рядом на стуле, пока не сообщила, что по рассеянности даже не нажала кнопку на чайнике, чтобы вода стала закипать. Тяжко вздохнула и встала, всё-таки включила чайник, и он зашумел, нагревая воду. Нашла в шкафчиках чашку. Никакого сахара и даже просто чая не нашлось, да вообще в шкафах было совершенно пусто. Придётся мне пить один кипяток, успокоиться и идти в магазин. Купить всё самое необходимое.

Доставкой я решила не пользоваться. Во-первых, за неё тоже надо платить, а с деньгами у меня теперь туган. Во-вторых, я не знаю адреса. В-третьих, хочется прогуляться пешком в надежде хоть немного проветрить голову.

Так хотелось вынуть своё сердце, которое так болит, выбросить его, зашить грудь и жить дальше — без любви и без боли. Но такое возможно лишь в фантастике. А пока... Время — наш лучший лекарь...

Кипяток обжигал горло, но мне было всё равно. Физической боли я словно не чувствовала. Всё словно атрофиро-

валось резко. Кроме души. Очень надеюсь, что однажды я проснусь и не буду ощущать этой моральной боли, что разьедала душу словно кислота, но пока мне кажется, что она будет со мной всегда.

За продуктами всё же заставила себя сходить. Когда что-то делаешь, то и на душе легче. Я поняла, что главное себя чем-то занимать, не давать себе страдать, и тогда пережить всё проще.

Разложила продукты по полкам и в холодильник, сварила себе суп, приготовила картошки с овощами — на мясо денег уже пожалела. Я тратила запас со своей карты, на месяц мне должно хватить. Карты Богдана я оставила в доме его родителей. Без понятия, заблокировал ли он мне их, я в принципе прикасаться к ним больше не хочу.

Это больше не мои карты не моего мужа с не моими деньгами. Вот и пусть забирает их себе. Мне чужого добра не надо, особенно от него.

Имя мужа мне стало произносить трудно. Гораздо легче было звать его просто — он. Так было не столь больно.

Ещё как-то надо забрать свои вещи. У меня тут совсем ничего не имелось, кроме того, что надето на мне прямо сейчас. Даже и переодеться не во что. Но я откладывала эту поездку за вещами, понимая, что зайти снова в эту квартиру, которая раньше была моим домом, но в одночасье стала личным адом, могу не найти силы духа.

Решив с утра пойти в ЗАГС, чтобы подать на развод, ведь

паспорт у меня с собой имелся, и с чего-то надо начинать уже разрубить этот гордиев узел, я открыла доску объявлений с предложениями о работе. Но уже через час поисков расстроено закрыла вкладку. Ничего приемлемого я для себя не нашла. У меня нет опыта работы, диплом теперь надо подтверждать, кто же меня поваром возьмёт теперь? А идти по-лы мыть мне, конечно, не очень хотелось.

Снова в памяти всплыло предложение Рената.

Я задумчиво постучала ногтями по столу.

Конечно, его предложение на фоне того, что я сама увидела на доске объявлений, намного лучше, и я уже начинала склоняться к решению всё-таки его принять. Всегда можно организовать рабочий процесс так, чтобы пересекаться не слишком часто. Не будет же он вместе со мной бегать по отелю, скорее всего, он, как большой начальник, сидит себе где-нибудь в руководящем крыле в кабинете управляющего, и вряд ли я буду там появляться очень много. Может быть, не такая уж и плохая идея согласиться работать на Рената? Уж лучше, чем мыть пол...

Я уже хотела набрать номер Рената, который он вбил в мой телефон по дороге сюда, но смартфон вдруг сам ожил в моих руках, оповещая меня о входящем звонке.

Ильяс...

Кажется, он обнаружил, что я ушла из их дома. И что же теперь он мне хочет сказать?

23.

— Алло, — приняла я вызов.

— Надя, ты куда уехала? — сходу спросил Ильяс.

— Я...буду пока жить в квартире Рената, которую он планировал сдавать, — ответила я ему.

— Ну зачем какие-то съёмные квартиры с недоделанным ремонтом, если есть нормальный дом? — задал новый вопрос свёкр. — Или... Тебе что-то наговорила моя жена? Так я с ней побеседую.

Значит, он и сам догадывается, кто на самом деле его жена.

Я поджала губы, не зная, что ответить. Ябедничать не хотелось, да и не изменило бы это ничего. Ильяс, может быть, и сможет заставить свекровь молчать, но не сможет заставить её полюбить меня. Находиться рядом с человеком, который тебя ненавидит и просто вымарал в грязи, мне не хочется, а потому и втягивать в это Ильяса не имело смысла. Только поругаются из-за меня. Ушла и слава богу.

— Ничего мне никто не говорил, — ответила я после некоторых раздумий. — Я не хочу злоупотреблять вашим гостеприимством, вот и всё.

— Если она что тебе наболтала, ты скажи, — проникновенно говорил свёкр, но быть яблоком раздора я не желала. — Она у меня быстро язык прикусит свой поганый.

Он прекрасно знает, с кем живёт. Тогда и мои слова тут лишние.

— Мы ни о чём таком не говорили, — сказала я.

— Не хочешь рассказывать, выходит?

Я помолчала ещё пару секунд.

— Я решила, что так будет лучше, — твёрдо ответила я.

— Не хочу вас стеснять. В квартире Рената мне понравилось, я останусь тут.

— Да какие стеснения, девочка? — не сдавался Ильяс.

— Лично я по-прежнему считаю тебя частью нашей семьи, несмотря на то, что кто-то может считать иначе.

— Мне так спокойнее.

— То есть, у нас тебе всё же было беспокойно?

— Нет, просто на как бы своей территории мне легче.

— Возвращайся домой, Надь.

— Извините, Ильяс, — решила я всё же поставить точку в этом вопросе. — При всём уважении к вам — это ваш дом, а не мой. Это вас там чтут и ждут, а не меня. Поэтому я останусь в квартире вашего младшего сына до той поры пока не встану на ноги и не смогу найти себе другой вариант. Ведь когда-то Ренату может понадобится эта квартира.

— Да это не беспокойся! Никто не прогонит тебя отсюда, я прослежу.

— Спасибо.

Однако оставаться я не намерена всё равно. Хочется совсем забыть об этом семействе, и квартира Рената не даст

мне этого сделать. Но вслух я озвучивать свои мысли не стала, чтобы не обижать свёкра, который искренне переживал за мою судьбу.

— Ты уверена, что хочешь этого?

— Да, Ильяс Дамирович. Уверена.

— Тогда может быть, тебе помощь какая нужна? Что же ты ушла с пустыми руками.

— Мне ничего не надо, спасибо, — вежливо отказалась я.

— Всё, что необходимо у меня есть. Вам спасибо за заботу, и всего доброго.

Как бы хорошо я не относилась к свёкру, но разговоры с ним мне тоже напоминали о неверном бывшем, а потому хотелось уже завершить эту беседу. Брать от них я всё равно ничего не буду. Ни от кого из них.

— Смотри сама, девочка, — ответил Ильяс. — Я не вправе тебе навязываться. У тебя точно всё в порядке?

— Да, всё в порядке.

— Тогда звони, если понадобится помощь. Не Ираиде звони, мне.

— Хорошо, спасибо, — ответила я, понимая, что никогда ему не позвоню, даже если буду при смерти.

— Ну, тогда не пропадай...

— И вам всего доброго. До свидания.

Я повесила трубку, глядя невидящим взглядом в стену. Разговор со свекром отчего-то снова размазал меня как масло по хлебу...

Внезапно смартфон в моих руках снова завибрировал.

Входящее смс — мой баланс пополнен.

Довольно круглая сумма, от Ильяса Дамировича К.

Я вздохнула.

Всё же свёкр меня не послушал и сделал то, что мог дистанционно — закинул мне на карту денег по номеру телефона...

Хотя, конечно, приятно, что не один только Ренат оказался неравнодушным к моей ситуации.

Мир не прогнил до конца, и это внушало надежду.

24.

На следующее утро, выпив один лишь кофе натошак, потому что от нервов есть мне не хотелось совершенно, я приехала в суд.

Дрожащими руками взяла ручку и бланк заявления на расторжения брака на стойке и присела с ним за стол.

Какое-то время тупо смотрела на лист с графами и строками.

Неужели сейчас я это заполню и вскоре наш брак с Богданом аннулируют?

Детей у нас нет. Делить нам нечего, потому что мне ничего от него не нужно и претензий в вопросах имущества я к нему совершенно не имею. Всё, что было куплено в браке, было куплено на деньги неверного супруга, а потому претендовать на это мне не позволит совесть. Развести нас должны быстро.

Рука еле двигалась по бумаге. Я заставляла себя не поддаваться эмоциям, а просто писать то, что требовали графы.

“Новая фамилия после расторжения брака” — прочла я и задумалась.

Раз уж отказываться от всего, то и от фамилии Богдана тоже.

“Соловьёва” — вывела я на бумаге и поставила ниже дату и свою подпись.

Оглядела получившееся заявление.

Вот и всё. Теперь осталось его отдать и ждать, когда нам объявят, что отныне мы не муж и жена.

Я отдала заявление сотруднице суда и вышла из здания.

Из глаз брызнули слёзы, я шла по улице, не обращая внимания на них.

Я знаю, что сделала всё правильно, другого выхода из ситуации нет, но всё равно было очень больно и тяжело осознавать, что это конец.

Как будто до этого была глупая надежда, что всё окажется лишь дурным сном, а сегодня я поняла, что точка поставлена. И поставила её я сама. Расставила точки в многоточиях Богдана...

Теперь мне предстояло ещё более переживательное мероприятие — забрать вещи из квартиры. Той самой...

В кармане шубы я нащупала связку ключей и сжала холодный металл.

Последний раз туда зайти, последний раз воспользоваться этими ключами.

Собрать вещи и уйти.

План простой ведь.

Ты сможешь, Надя.

Ты всё сможешь!

 Возле двери, уже достав ключи, потопталась.

Неужели я сейчас снова окажусь...там?

Не хотелось. Всё нутро противилось тому, чтобы просто

переступить порог этой чёртовой квартиры, где когда-то я была счастлива, а потом меня в ней же хладнокровно убили. Не физически, конечно. Моя жалкая и никому не нужная теперь оболочка женщины продолжала существовать, но душу просто вынули, и теперь я напоминала манекен: пустая, без жизни в глазах, без улыбок.

Но сделать это нужно — забрать свои вещи, чтобы закрыть этот вопрос раз и навсегда.

Один раз больно, чтобы потом больше не было. Надо просто потерпеть.

И тут в голову пришла шальная мысль — а если Богдан там, внутри?

Меня бросило в дрожь...

25.

Сначала я позвонила в дверь. Ну, вдруг, они там опять забавляются...

Не хочу снова это ни видеть, ни слышать.

Но мне никто не открыл дверь. Я приложила ухо к дверному проёму. В квартире явно стояла тишина. Нет никого, видимо, и это лишь к лучшему.

Я набрала воздуха в лёгкие, словно собиралась не в квартиру войти, а прыгнуть с тарзанки в воду, и вставила ключ в дверь. Замок поддался и дверь легко открылась, всё было как всегда. Кроме одного: я заходила уже не к себе домой.

Мой дом исчез. Стал чужим и словно безликим.

Как в той песне: всё те же чашки-ложки, вот только у любви батарейки-то сели.

Вошла в прихожую и включила свет, который озарил небольшую комнату.

Всё здесь было как раньше... Ничего будто и не изменилось.

Всё тот же шкаф, тумбочка для ключей и большое зеркало.

Вот только я внутри совсем другая.

Даже из отражения зеркала на меня смотрела другая женщина: взрослее, что ли, сильнее. Новая я...

Всего за одну ночь со мной словно что-то случилось. Я

точно не была той, которая отсюда ушла, наматывая сопли на кулак, и отчего-то решившая, что поехать к родителям бывшего мужа — хорошая идея.

Но теперь я всё исправлю.

Верно говорят, что в стрессе человек неадекватный, может принимать странные решения, хотя в моменте они кажутся ему вполне себе разумными. И уже после, когда шок проходит, он понимает, что натворил какой-то бредятины...

Сняла ботинки и шубку, положила связку ключей на тумбу и пошла в комнату.

Вещи мои находились как раз там, куда идти хотелось меньше всего — в треклятой спальне. Большой высокий шкаф, мои вещи в нём и чемоданы находились именно там, а потому мне пришлось набраться сил, включить на всю катушку силу воли, и пройти туда.

Перед входом в спальню всё-таки спасовала.

Сейчас я снова увижу это... ложе любви для любовничков.

Мои простыни, которые я покупала с трепетом для любимого мужа, и об которые тёрлась затем голая задница Анфиски...

Но всё же заставила себя двигать ногами.

Быстрее решу этот вопрос, соберу вещи — быстрее забуду об этой квартире.

Как мило, но справедливо, заметила бывшая подруга, моего тут в самом деле очень мало. Все вещи можно унести буквально в двух сумках.
Бывшая подруга. Бывший муж.

Бывший дом. Бывшая жизнь.

Всё в моей жизни стало бывшим.

Прекрасная перспектива, Надежда. Ты просто б/у.

Но что делать, надо как-то жить и с этим... Двигаться дальше. Ведь на самом деле мир не остановился после измены Богдана, как и моя жизнь вовсе не кончилась. Потеряла радость и смысл — да, но не кончилась.

Смотреть на кровать не хотелось, но не могла же я выбирать, что видеть. Смятые простыни снова вызвали приступ истерики. Я прижала ладонь к сухим губам, пытаюсь её заглушить.

Не хочу плакать о тебе, подонок! Не хочу...

Но сердце просто обливалось, тонуло в горьких слезах, как и я сама.

Села прямо на полу и положила голову на колени, предаваясь этой боли, что рвала душу в куски. Тихие судорожные всхлипы заполнили комнату.

Ненавижу. Ненавижу тебя, скотина!

Желаю тебе всего самого худшего!

Чтобы ничего у тебя вообще не получалось без меня!

Чтоб корчился от любви на кафеле, глотая снотворные в пять утра, которые тебе бы не помогали!

Чтобы мы когда-нибудь поменялись местами, и ты понял, что я испытала.

Чтобы на себе прочувствовал, что такое сгореть заживо.

Опять перед глазами вставала та самая картина, которая

теперь, кажется, будет преследовать меня во снах. Точнее, кошмарах...

Приступ истерики прервал щёлчок замка двери.

Как ошпаренная подскочила на ноги, размазывая слёзы по щекам, и не зная куда себя деть и как спрятать свою слабость. Сейчас они увидят меня снова разбитой клушей, которая рыдает у кровати.

Спустя полминуты в комнате оказался Богдан.

Мой родной чужой мужчина смотрел на меня, а я не могла отвести взгляда.

Любовь к нему, слепая, глупая, кажется, ничем не убивается.

Мои чувства пока ещё никуда не делись — как и раньше бывало, даже руки задрожали при виде него. Но я очень надеялась, что скоро я смогу освободиться, выдохнуть, расправить крылья и сказать ему “Я больше тебя не люблю!”.

— Надя... — сказал он, не сводя с меня карих глаз, за которые я готова была бы даже умереть.

26.

— Не ждал меня тут? — спросил я, изо всех сил стараясь держать себя в руках, а спину — ровно и гордо. Он больше не сможет меня унижить. Больше просто некуда. — Я за вещами пришла. Или Анфиса хочет забрать себе и мои трусы тоже?

— Надь, ну не надо, — сморщился он, словно ему было неприятно об этом говорить. А делать было приятно, конечно же. — Пришла собирать вещи — собирай.

Я поджала губы, а затем заставила себя вернуться к чемоданам.

— Впрочем, ты можешь остаться в этой квартире, — обратился ко мне Богдан, который не ушёл, а зачем-то наблюдал за тем, как я собираю вещи. — Я оставляю её тебе.

Я отбросила в сторону очередной свитер и повернулась к нему.

— Ты сейчас же не серьёзно, Богдан? — спросил я, мечтая услышать, что он не то имел в виду. Неужели не понимает, что мне больно даже просто тут находиться? Или ему настолько плевать на мои чувства уже?

— Я похож на шутника, мля? — спросил он в ответ.

— Сейчас — очень.

— Гхм... Поясни? — изогнул он одну бровь. — Я был не прав, что хотел тебя отсюда удалить. Это нам следовало уйти, что мы и сделали позже. Квартира твоя, я не претендую на

неё, Надь. И что тебя забавляет в моём предложении?

— Тебе папа, что ли, мозги так промыл, а? — усмехнулась я. Даже не знаю, откуда во мне вдруг проснулась эта стерва. — Как ты запел-то... Что, в угол поставил тебя Ильяс и грозился лишить наследства?

— Надь, ну прекрати ты этот цирк, — процедил сквозь зубы мой пока ещё муж.

— Я прекрати? — подняла я брови. — По-моему, по части шоу тут ответственный как раз ты, Богдан. С чего вдруг такая невиданная щедрость для сирых и убогих? Неужто ты сам додумался, что уйти стоило именно вам? Но тогда ты выгнал меня.

— Не выгонял, — спорил со мной хмурый мужчина. — Я только хотел, чтобы ты просто на время ушла и...не смотрела на всё это.

— Я бы и не смотрела, если бы ты не притащил эту дрянь в нашу постель, — ответила я. Руки снова стали дрожать. — Впрочем, так даже лучше. Я пришла и всё своими глазами увидела. Сколько ты так мне планировал наставлять рога? Пока я ими не пробила бы потолок и не испортила соседям ремонт?

Богдан шумно выдохнул. Не нравится тебе слушать, дорогой? А почему? Любишь кататься — люби и саночки возить!

— Надь, ну давай поговорим как взрослые люди?

— Давай, — повела я плечом. — Значит, так. В этой чертовой квартире я никогда в жизни не останусь. Лучше на

вокзале. Оставил он мне её, поглядите-ка, как трогательная забота. Засунь эту квартиру туда, куда ты Анфису любил, ведь она такая раскрепощённая у нас. А меня оставь в покое. Мне от тебя ничего не надо, ясно? Неужели ты считаешь, что после того, что я здесь увидела, я смогу жить в этой квартире? Более изящной пытки сложно было мне предложить!

— И куда ты пойдёшь, интересно знать? — сузил глаза Богдан. — Я в курсе, что ты у матери отсиживалась.

— Ты ещё и следил за мной?

— Должен же я знать был, куда ты побежала отсюда.

— Зачем?

— Я волновался.

— А как же Анфиса? Вы же не доделали?

— Надь, да прекрати ты сюда её плести!

— Значит, ты заботился о своей рогатой супруге?

— Надя!

— Так трогательно, что я сейчас разрыдаюсь, — смотрела я на него. А слёз при этом не было вовсе. Откуда-то взялась во мне дикая злость, которая заставила меня держать голову высоко поднятой. — Повторяю ещё раз, читай по губам: я не останусь в твоей чёртовой квартире.

Я вернулась к вещам. Быстрее бы всё собрать и уйти.

Богдан поджал губы.

— Тебе же некуда идти, Надь. Не дури.

— Уже есть, — ответила я, не отрываясь от сбора вещей.

— Куда это? — обалдел Богдан.

— А тебе всё скажи, — усмехнулась я. — Мир не без добрых людей оказался! Это уж не твоё дело, милый мой, куда я пойду. У Анфиски своей теперь отчёты о передвижениях требуй, а не у меня.

Богдан подошёл ко мне, развернул к себе за плечи и тряхнул.

— Куда ты собралась, Надя? — Карие глаза впились в моё лицо.

— Какая тебе разница? — тем же тоном выплюнула я ему в лицо, начиная дрожать в его руках. Ну зачем, зачем он позволяет себе касаться меня? Как же дико больно... Но вырваться не выходило, такого медведя разве переборешь...

— Ты что — себе любовника нашла за моей спиной? — спросил он, сжав мои плечи теснее. — К кому это ты так скоро собралась?

Я в ответ нервно рассмеялась.

— Верно говорят, что все по себе других судят, — сказала я ему, напрягая руки изо всех сил, чтобы увеличить расстояние между нами. — В чём сам грешен, то и мне приписываешь? Но нет... Рогатая здесь только я. Да пусти, чёрт тебя возьми! Анфиску свою лапай.

Мне удалось лягнуть его ногой, и Богдан всё же убрал свои руки и выпустил меня.

— Не прикасайся, — прошипела я. — Никогда больше не прикасайся ко мне, ты слышишь? Мне противно.

Богдан смотрел так, словно я ударила его. Больно слы-

шать? Почему? Ты, кажется, сделал свой выбор.

— Я подала на развод, — оповестила я его. — Вещи заберу и уйду. Квартира мне твоя не нужна. Ни на что не претендую. Просто оставь меня в покое раз и навсегда.

Вместо ответа Богдан снова шагнул ко мне...

27.

Трогать меня он не стал, но встал очень близко, почти прижав меня к стене и нависнув надо мной.

— Куда ты идёшь? — Голос его стал низким и опасным.
— Адрес.

— Я тебе его не скажу, — ответила я, хотя на самом деле еле поборола в себе дрожь от его близости и напора. — Ты больше неходишь в круг тех людей, которые будут знать мой адрес.
Я не ожидала, что встречу тут Богдана, совершенно не была к этому готова, и уж тем более, не думала, что бывший муж закатит мне сцену...ревности? Он же ревнует! Никогда его таким не видела. Но раньше я никогда не давала повода. Хотела, чтобы муж всегда был мною доволен и ни в коем случае не стала бы его злить общением с другими мужчинами. Оно сводилось лишь к формату поздоровался-ушёл. А сейчас он явно думает, что я иду на квартиру к какому-то мужчине. Я даже внезапно усмехнулась, чем явно разозлила мужа ещё больше.

А ты ведь не так уж и не прав. Если бы ты только знал, на чью квартиру я иду...

Если Богдан узнает, что это Ренат, то сойдёт с ума. Ренат — единственный, кто ещё вызывал в нём приступы ревности, но это бывало очень редко, после чего я, как верная жена, в постели доказывала ему, что только его женщина... Но

сегодня я ничего доказывать ему не стану. Пусть бесится... Он не знает, что обо мне позаботился его младший брат, и я просвещать его на эту тему не стану, но мне от этой мысли об этом стало горячо и приятно.

— А я тебя всё равно найду, Надь, — заявил Богдан. — И набыю харю твоему хахалю.

— Тогда тебе придётся набить... э-э.. харю собственному отцу.

— Отцу? — заморгал он и даже отступил от меня.

В мои лёгкие ворвался воздух, разрезая их до жгучей боли. Господи, я даже не дышала, пока он стоял рядом...

— Так тебе отец решил помочь? — окинул меня по-прежнему подозрительным взглядом Богдан, словно решал не возжу ли я его за нос, чтобы он перестал требовать назвать место моей новой дислокации.

— Да, Ильяс изъявил желание помочь, — солгала я. Ну не совсем это и ложь... Ильяс предлагал любую помощь и в итоге по своему усмотрению перевёл на мой счёт деньги А квартира, являясь собственностью Рената, частично и собственность Ильяса, раз они одна семья... — Можно я дособирую свои вещи, пока твоя благоверная их не выкинула отсюда?

— Я же сказал уже, что здесь никто не находился, — Богдан всё же отошёл в сторону, давая мне пройти. — Оставаться с ней здесь, где мы с тобой... Нет.

Он хотел сказать, что это было бы кошунством? А прита-

щить её в нашу постель было чем-то иным? Но этот вопрос так и повис в воздухе без ответа, накаляя атмосферу вокруг нас ещё сильнее. Казалось, что всё просто звенело от напряжения, или это я сама вся звенела от нервов. Словно натянутая струна — ещё секунда и просто лопну... Лучше бы “любимому” муженьку меня не трогать сейчас... Иначе услышит о себе много нового. То, чего раньше я не осмелилась бы сказать, но сегодня мне терять уже просто нечего.

— Какое благородство... — всё же прокомментировала я ситуацию, закрывая сумку на замки. Вот и все мои вещи собраны. Ничего тут больше моего нет. Голова дико разболелась от переживаний, ноги снова стали ватными и перестали слушаться. — Жить с ней он тут не хочет, а вот тра...

— Прекрати её плести сюда, — перебил меня Богдан. — Речь сейчас идёт о нас с тобой. Подала на развод — понимаю. Я не буду препятствовать.

— Так ты же сам, наверное, хотел развода? — спросила я его, выпрямившись в полный рост. Сумка с вещами стояла возле моих ног.

— Да... — ответил с паузой Богдан так, словно сам сомневался в том, что говорит. — Потому что у нас получился ребёнок.

— Благородно, — похвалила я его. — Хоть один благородный поступок от тебя. Но ты уверен, что ребёнок твой? М?

— Анфиса сделает текст-ДНК, — ответил Богдан. — Сей-

час его можно на раннем сроке сделать.

— Да? Не знала. Значит, если она наставляла рога, как ты мне, узнаешь об этом раньше. Предусмотрительно с твоей стороны.

Богдан промолчал, поджав губы.

— Квартиру я перепишу на тебя, — заявил он спустя полминуты, и мы встретились глазами. — Делай с ней, что хочешь. Это, наверное, единственное, чем я могу извиниться перед тобой. Если честно, мне очень стыдно, но просить прощения не буду — я понимаю, что прощения этому нет, да и не уверен, что оно мне нужно. И... Деньги с аренды твоей квартиры я уже перевёл на твой счёт.

А я только диву давалась. Надо же какая исповедь! Кантемирову стыдно. Он сам признался в этом. Раньше таких слов от мужа я никогда не слышала. Богдан — бог и царь, он не признаёт ошибок. Видимо, чтобы увидеть, как извиняется Богдан, нужно было дойти до измен...

Впрочем, мне от его извинений теперь ни жарко, ни холодно... Но если бы он делал вид, что ничего особенного не произошло и просто выкинул бы мои вещи, не вернув мне даже деньги с аренды моей квартиры, я бы всё-таки была о нём гораздо худшего мнения. Хотя даже так ничего хорошего он всё равно больше не заслуживает.

Я вдруг поняла, что совсем не знаю этого мужчину. Красивый, статный, но какой-то чужой и пустой. Повёлся на красивую попку... Неизвестно ещё, не дурит ли вообще его Ан-

фиса, и не липовая ли у неё беременность. Но это уже будут его проблемы.

— За деньги, мои прошу заметить — спасибо. Весьма благородно, возьми с полки сахарок, — хмыкнула я. — А квартира твоя отправится по тому же адресу, который я назвала ранее. Я поехала. Удачно оставаться.

Я подхватила сумку и уже направилась к выходу, как эмоции вдруг захлестнули меня, стоило лишь обернуться на мужской профиль.

— Ну почему, скажи мне? — сказала я негромко, отпустив сумку, что упала на пол. — Почему ты поступил так со мной? За что? Что я тебе сделала, что ты меня просто унизил, уничтожил и растоптал?

— Надь... — повернулся он ко мне. В его голосе появилась хрипотца. Она всегда появляется, когда он переживает. Богдан тоже переживает? О чём? Ведь это он меня раздавил и предал, а не я — его. — Я правда понимаю, что всё это вышло максимально по-ублюдски. Я не хотел, чтобы так всё было... Чтобы ты узнала обо всём, увидев нас... Это случайность. Мы просто заехали за документами и не собирались здесь...

— Я не хочу это слушать! — закрыла я лицо руками, по которым побежали мои слёзы, бурным потоком хлынувшие из глаз. Понимает он... Если бы ты хоть на час испытал то, что я, твоё сердце бы не выдержало такой боли предательства, Богдан. — Никогда не говори со мной о том, как ты с

ней... Но я не понимаю...

Я повернулась на него.

— Чего тебе, скот ты такой, не хватало? — спросила я его. Я очень долго держалась, но всё-таки поддалась истерике...

Богдан не ответил на оскорбления. Лишь стиснул зубы теснее. Ему просто нечего было сказать мне в ответ. Ему всего было достаточно, просто он поступил с нами вот так...

— Я всё для тебя делала, — говорила я ему. — Только для тебя. Слушала во всём. Жила для тебя, жила тобой. Дышала тобой.

— Я знаю... — пробормотал он себе под нос, глядя на свои лакированные дорожные ботинки.

— Я тебя любила больше, чем себя, — хлюпала я носом. Плечи начало трясти от рыданий. — Я бы никогда тебя не предала, ты слышишь? Никогда не заставила бы тебя страдать вот так... Как же я тебя ненавижу. Я тебя ненавижу! Ненавижу!

Внезапно я покачнулась и едва не упала, от переизбытка эмоций ноги словно подкосились.

— Надя, — не дал мне упасть Богдан, притянув меня к себе за талию, чтобы не упала. — Тебе плохо, что ли? Давай, присядь. Я вызову врача.

— Да катись ты со своим врачом! — пихнула я его что есть сил. От его нового касания только хуже стало... — Не прикасайся, я сказала! Меня от тебя тошнит.

Карие глаза уставились в упор на меня. Едва поборов ре-

альный рвотный позыв, я схватила сумку с пола и устремилась на выход.

— Надя, ну куда ты такая? Ты заболела, что ли? Давай отвезу тебя в клинику.

— Не ходи за мной, предатель, — отвесила я ему уже на пороге. — Забудь обо мне.

Я крепче сжала сумку, быстро обулась, схватила свою шубку и выскочила за дверь.

28.

Закрыла дверь квартиры, в которой теперь буду жить, прислонилась к ней, губу закусив.

Слезы снова душили.

Слушать эти дурацкие оправдания было ещё более оскорбительно и унизительно, чем когда он молчит. Лучше бы и не открывал рта...

Каждое слово как клин в сердце... И ещё, и ещё...

Не собирается он просить прощения! Козёл. А есть за что.

Впрочем, в одном он прав: я всё равно бы не простила, и эти извинения мне ничего не дали бы кроме новой боли.

Меня опять раздирало на части и сердце словно птица в клетке забилося.

Да когда же всё это кончится, чёрт возьми? Сколько ещё недель я буду вот так гореть заживо?

Если бы можно было по заказу, пальчиками щелкнуть и забыть, вычеркнуть.

Стереть память как в фильме-фантастике. Жаль, что такого аппарата просто не существует, а сердце из груди вынуть и жить без него не получится.

Ох, Богдан...

Что же ты со мной сделал? В кого ты превратил меня? Ощущение, словно все пять лет были просто сном или обманом...

Вспомнила его глаза, как он раньше смотрел, говоря без слов, как я ему нравилась. Как его тело само мне доказывало, что симпатия ко мне прямо аж вот такая!

Как он меня называл — жарко до дрожи шептал мне на ушко слова сладкие, целовал, рассказывал, какая у меня кожа бархатная, какое тело вкусное, как ему нравится быть со мной, как он желает меня.

И взгляд сегодня — не безразличный, нет, но он был... с досадой, с жалостью. Словно я помеха в его жизни.

Да, так оно и есть, я — просто помеха.

Бросила сумки в коридоре, не было никаких сил ничего разбирать, зашла в ванную.

Тут уютно, как-то и светло и тепло, пусть и безлико. Зато мне никто не будет капать на мозги, не буду ни от кого выслушивать. Хорошо, что я купила соль для ванны — именно то, что мне нужно.

Надо восстанавливать силы, полежать, подумать. Надо приходить в себя.

Меня разморило в обжигающе горячей воде, соль с ароматом мандарина расслабила.

Выбралась из ванны, когда вода уже почти остыла. Вытерлась полотенцем, которое из квартиры забрала — решила, что имею право взять и постельное, и полотенца, ведь всё это я сама покупала!

Спать легла, чтобы не давать себе страдать и предаваться унынию. Как ни странно, сразу уснула. Видимо, нервы дали о

себе знать ослабленным организмом. А природа, как известно, всё равно своё возьмёт.

А утром...

Утром я проснулась в твердой уверенности, что страдать больше не желаю! Хватит. Поныла, Наденька, поплакала, пожалела себя, и будет! Не ты первая и не ты последняя! Переживёшь, дорогая.

Надо жить дальше! И не просто жить!

Мне захотелось... Захотелось доказать Богдану, что я чего-то стою, что я — не домашняя клуша, не способная родить ребенка. Я — женщина! Красивая и умная. Я всего смогу добиться сама!

Да, с помощью Рената, но это не так уж и важно. Главное — без Богдана.

А он... Он еще локти будет кусать, когда поймет кого он потерял! Только мне это будет к тому моменту просто безразлично.

После завтрака сразу же позвонила Ренату, чтобы договориться о встрече. Старалась, чтобы голос звучал по деловому.

— Ренат, здравствуй, — начала я после того как мы поздоровались. — Я решила принять твоё предложение... Когда мне приехать, или как вообще всё это будет происходить?

— Надюш, жду тебя в любое время, — говорил он в трубку и был явно рад моему звонку и решению, которое я при-

няла.

— Скажи, когда тебе удобно. Я готова хоть сейчас.

— Тогда и подходи прямо сейчас, — ответила Рен. — Ресторан метрах в двухстах от выезда из комплекса, ты увидишь, не ошибешься. Двухэтажное светлое здание, все в огоньках.

— А как он называется? — спросила я.

— Догадайся с трех раз. — Он засмеялся, а мне стало не по себе.

Холодок побежал по спине, оторопь брала от мысли, которая пришла в голову. Неужели он называл ресторан “Надежда”? Задумалась, может, всё-таки зря я принимаю помощь от Рената? Если он ресторан назвал моим именем, значит... Значит добром наши с ним отношения не кончатся...

— Ну, что ты там затихла? — услышала я на том конце провода. — Всё просто: ресторан называется “Вкусно, как дома”. Хороший маркетинговый ход. Думаю, многие одинокие мужчины будут приходить, потому что еда реально как домашняя. Еще и подумают, стоит ли жениться, когда у нас всегда можно поесть вкусно, как дома.

Он посмеивался, а я...выдохнула с облегчением. Накрутила себе, надумала. Может... Может, Ренат так говорил со мной в доме своих родных, чтобы просто поддержать? Чтобы я не чувствовала себя ущербной, некрасивой, никому не нужной??

— Я буду через полтора часа, — сказала я ему.

— Отлично, Надюш, жду.

28.

БОГДАН.

Хотел было пойти за ней, потом передумал.

А зачем? Нам обоим надо остыть.

То, что творилось в моей душе все эти дни, не передать словами. Мне туда словно в прямом смысле слова кошки нагадили... Творился полный бардак и раздрай в мыслях.

Я огляделся по сторонам. В этой квартире мне тоже находиться не очень хочется, тут я Надю прекрасно понимаю.

Взял документы, которые оставил в прошлый раз здесь из сейфа и последовал примеру жены — оделся и вышел, закрыл дверь на ключ.

Сжимая папку с документами спускался по лестнице, не дожидаясь лифта, и размышлял о том, что надо всё же как-то организованно тоже собрать свои вещи и всё из сейфа, но голова с трудом варила все эти дни.

Сел в машину и завёл двигатель. Слушая его мерный гул и дожидаясь, когда авто прогреется, продолжал думать о том, что сейчас случилось.

Я не был готов к встрече с Надей. Не так, совсем не так... В груди закручивалась пружина непонятных эмоций.

Выехал на дорогу. Рулил, а мыслями был всё ещё в нашей квартире. Точнее, уже, не на нашей, конечно, но Надя так и не отпускала меня.

Надя думает, что мне легко от всей этой ситуации.

Она очень сильно не права.

Да, я повёл себя с ней как мразь и прекрасно это осознаю.

Легко ли осознавать себя мразью, причинившей столько боли близкому когда-то человеку, предавшему его такую искреннюю и беззаветную любовь? Совсем нет.

Мне стыдно, это правда. Просить прощения я просто не решился. По крайней мере — сейчас. Может быть, позже, когда мы оба успокоимся, я сделаю это, но сейчас это будет выглядеть просто жалко, да и Наде не нужно — судя по её поведению сегодня она никогда меня не простит и близко к себе не подпустит больше. И правильно сделает.

Я уже и забыл какой у неё может быть характер... Она давно мне уже не показывает его.

А ведь влюбился я в девчонку с интересами, харизмой и твёрдым характером, которая так лихо динамила бизнесмена Кантемирова. Именно это меня в ней тогда и привлекло. Надя была не только красива как куколка, причем естественной красотой, но и вызывала во мне бурю эмоций: страсть, ревность, желание завладеть, желание подчинить себе строптивую и пока ещё свободную красавицу. Она разжигала внутри меня инстинкт охотника, и я это сделал — пришёл и победил. Взял её, никого не слушая. Даже саму Надю. Ну а слова матери тем более не повлияли бы на моё решение. Я испытывал желание жениться на Наде и сделал это вопреки всему.

Но... куда же всё это в ней делось в последние годы?

После свадьбы она стала максимально покладистой — боялась мне слова поперёк сказать, оберегала от любых потрясений, не давала повода ревновать.

Максимально услужливой стала — каждый день новые блюда, всегда свежие, всегда вкусные.

Максимально моей была и...максимально пресной.

Мне стало не хватать этого огня, который она давала мне до свадьбы и ещё сохраняла его около года. А потом она словно дала себе установку стать идеальной женой и...всё испортила.

Только я сам себе признаться в этом был не готов, как и её обижать признанием, что она де стала скучная. Ведь Надя очень старалась, я видел, но словно сам не понимал, что мне не так...

Потом появилась Анфиса. Красивая, яркая... Ну глупо врать, что не хотел её. Её все хотят, она ходячий секс. Только для этого и годилась по сути. И она сама залезла ко мне в трусы, а я однажды просто не отказал, поддавшись изменному.

Я просто разрядился с ней, потому что Надя была слишком увлечена кулинарными изысками, а не мной...

Так случилась наша первая близость с Анфисой, которая переросла в связь, но чувства там замешаны не были. Ничего серьёзного с ней я не планировал.

Она для меня реально была просто... да, чёрт, как проститутка, та, с которой мужчины сбрасывают напряжение. И

она принимала правила игры.

Нам было хорошо вместе. Она горячая, веселая, с такой не стыдно выйти в свет.

Наши встречи стали регулярными. Мне пришлось врать Наде, что я постоянно задерживаюсь, а на самом деле развлекался с Анфисой. И даже в командировки, куда я в самом деле ездил часто, я снова брал с собой любовницу, и там мы отрывались по полной.

Я не думал о будущем и вроде как не планировал развод. Я считал, что для Анфисы это такое же развлечение в привнесшейся жизни, как и для меня.

Но Анфиса неожиданно сообщила о беременности.

Твою дивизию! Это было совсем не кстати.

Я, конечно, не лох, отвёз её на УЗИ сразу же к проверенному врачу.

Ребёнок там обнаружился, и тут я сел на задницу.

Она не лгала, мы сделали ребёнка. Но, мля, как? Ведь предохранялись же! Резинка была с собой. А без неё мы не ложились никогда.

Но врач пояснила, что и так бывает — средства защиты могут быть бракованными изначально или они порвались в процессе и мы просто не заметили.

Я недолго думая, предложил аборт. И считал, что поступаю правильно. Я не собирался связывать жизнь с Анфисой.

Но она устроила истерику, рыдала, говорила, что ребенка оставит, и я ей не нужен.

Что Надя всё равно мне не подходит и бог нам даёт дитя не просто так, значит, надо стать семьёй.

В общем, ребёнок есть. А вот мой ли — вопрос.

Если мой, то бросить его просто так я не могу. На самом деле я давно хочу сына, но как-то не выходило всё. Несколько неудачных попыток ЭКО Надю совсем размазали, и я решил побереечь её и не просить больше родить.

А теперь как я брошу своего ребёнка? Это подло.

Осталось только удостовериться, что ребёнок — мой.

В принципе, Анфиса — хоть и огонь баба, но в блуде замечена никогда не была. Мы же работаем уже с ней вместе бог знает сколько лет, ещё до моей женитьбы на Надежде.

А какие Анфиса мне слова о любви говорила... Отчего-то я верил в то, что она в самом деле влюбилась и волею судьбы мы зачали ребёнка.

Тогда я решил, что возможно, это знак свыше. С Надеей детей у нас никак не выходило, хоть и лечилась она, и в санатории по этой части ездила не единожды.

Отношения с женой словно бы себя исчерпали, и я решил попробовать создать новую семью, уже полноценную, с ребёнком, раз уж он у нас появился.

Даже несмотря на то, что Анфиса не особенно меня устраивала в качестве кандидата на роль супруги, но я рискнул попробовать: она умела меня зажигать, веселила, поддерживала, с ней не стыдно было выйти в люди и она носит моего ребёнка. Что ещё мужику для счастья надо?

Я правда не хотел, чтобы Надя узнала обо мне вот так грязно и отвратительно.

Не планировал я заниматься любовью с Анфиской в нашей постели. Я просто подхватил её после обеда возле кафе, сказал, что мне надо заехать за документами домой, и она попросилась в уборную. Я взял её с собой, но потом в коридоре началось какое-то сумасшествие, которому поддался и я...

Мы оказались в постели, где нас и увидела моя жена.

Я собирался сказать ей после теста-ДНК, он будет на следующей неделе. Если он подтвердил моё отцовство, я всё объяснил бы Надежде, которая подарила мне пять лет своей жизни, и подал бы на развод честно... Но я не успел.

А что самое главное — я обалдел от тех эмоций, что Надя вызвала у меня сегодня.

Гордая, сильная, язвительная.

Такой я её знал пять лет назад. Я словно вернулся в дни нашего знакомства, когда ревновал её ко всем столбам в округе.

И эта реакция меня самого смутила.

Я считал, что у меня к ней давно всё умерло, а оказалось...

НАДЕЖДА.

Положила телефон и повернулась к сумкам, которые еще не успела разобрать. Поняла, что мне на такую встречу и надеть особенно нечего. Весь мой гардероб — удобные вещи, домашние или спортивные. Даже вязанные платья такие, в которых можно пойти, например, по магазинам, но уместны ли они на собеседовании? Пусть даже его и мой родственник проводит. Обувь зимней на высоком каблуке тоже нет: удобные, устойчивые короткие сапожки. Была у меня пара красивых платьев, на выход, что называется, но я сомневалась, что влезу в них. Да и опять же — для деловой встречи не совсем то, что надо. Я ведь думала не просто о том, что сейчас с Ренатом буду общаться, в будущее заглядывала. Ведь надо в чём-то на работу ходить!

Ладно, пока мне нужно было эту работу получить, убедиться, что не только я подхожу для неё, но и она — для меня. Вдруг не потяну? Подставлять Рената не хотелось.

Нашла в итоге юбку из замши, к ней светлый кашемировый пуловер — классика всегда в моде. Сапожки, конечно, простоваты, но пришлось обувать их, ведь всё равно других вариантов не было.

Волосы помыла, высушила феном и уложила в высокий хвост на затылке. Больше ничего особо я делать и не умела

на голове, но вроде бы, получилось неплохо. Нашла ещё не засохшую тушь и пудру для лица.

— Ну вот, — довольно оценила я результат в отражении зеркала. — Совсем даже и недурно. Ну, с богом, Надежда. Ты всё сможешь.

Секретарь Рената встретила меня приветливой улыбкой, сразу пригласила в кабинет, сказав, то Ренат Ильясovich уже ждет. Вежливо поинтересовалась, что мне подать: чай или кофе. Я попросила воду, а то снова тошнота из-за нервов. Возле двери его кабинета вдохнула воздуха, пытаюсь успокоиться, и зашла.

Кабинет Рената оказался очень приятным, уютным и стильным. Мебель современная: дерево и стекло. Огромный стол, на котором стоял компьютер, и роскошный канцелярский набор руководителя — в своё время в офисе у Богдана был почти такой же, из натурального камня.

Тьфу ты, опять этого бесячего вспоминаю...

Привычка, дело такое.

Да и чувства пока живы, хоть и ранены.

— Надежда, — встал на ноги Ренат, заведя меня в кабинет. Он указал рукой на кресло напротив своего стола. — Проходи, садись. Как ночь на новом месте?

— Спасибо, отлично. — Я села в кресло и подняла глаза на Рената. Я не лукавила, действительно выпалась прекрасно, несмотря на вчерашнюю стычку с Богданом.

— Хорошо, — улыбнулся он дружелюбно. В тёмно-синем

костюме с иголки Ренат выглядел ну как миминим древнегреческим богом... Очень шло ему. Широкие плечи красиво обтягивала дорогая ткань. От него веяло деньгами, успехом, мужественностью, но его энергетика была гораздо легче, чем у старшего брата. Богдан всегда давил одним взглядом проникновенных карих глаз, заставлял дрожать и теряться в словах. У Рена точно такие же карие глаза, но смотрел он совершенно иначе. Добрее, что ли, проще. — Ну, тогда давай по чашке кофе? Сейчас принесут. А затем я начну рассказывать о твоих обязанностях, Потом пойдем посмотрим ресторан.

— А если сразу пойдем? — предложила я. Не терпелось посмотреть то место, в котором мне предстоит трудиться.

Ренат оценил моё рвение к работе. Он улыбнулся и склонил голову.

— А кофе?

— А кофе мы ещё не заработали.

— Согласен. Стоит сначала и поработать для приличия, правда? — легко рассмеялся мужчина. С ним и диалоги вести куда проще, чем с вечно хмурым Богданом.

— Да. Я хочу увидеть твой ресторан. Мне очень интересно.

— Это даже еще лучше, проще будет объяснять, — он поднялся на ноги, обошёл стол и галантно подал мне руку.

— Идём. Надежда...

— Игоревна, — улыбнулась я ему. Не будем же мы фамильярничать при других сотрудниках? Несмотря на то, что

родственная связь, хоть и теперь довольно косая и сомнительная, у нас имелась, субординацию всё равно никто не отменял на рабочем месте.

Он любезно открыл передо мной дверь и пропустил вперёд, а затем вышел следом.

Ренат провёл мне целую экскурсию по ресторану. Мне очень понравилось как тут всё устроено, хотя видно было, что еще нужно многое доделать. В то же время я очень волновалась. А вдруг я не смогу, не справлюсь?

Тут же тысячи задач, надо успевать и то, и другое! И с клиентами, и с поставщиками, и с сотрудниками работать придётся! Голова пухла от одних названий фирм, с которыми мне предстояло вести переговоры. Ресторан вот-вот откроется, что-то надо будет менять уже по ходу. Еще не вся мебель и посуда закуплена, опять же — столовые приборы, всё для сервировки. Всё нужно помнить и держать под контролем.

Смогу ли я? Подвести Рена, который так в меня поверил, очень не хотелось. Но и попробовать я тоже желала. Как говорится: не попробуешь — не узнаешь.

Я дрожала от страха, но тут же понимала, что включаю голову и тоже начинаю участвовать в процессе. Например, выбрала сама некоторые вещи: скатерти, салфетки. В ресторане было несколько залов, и я видела, как можно визуально разделить зоны: часть ресторана сделать более уютной, для релакса, а где-то обстановка будет деловая — подходящая

для бизнес-ланчей и деловых встреч. Всё это я говорила Ренату и видела в его глазах одобрение.

Неужели я всё-таки не разочаровала его и получила эту работу по заслугам?

30.

В кабинет мы вернулись часа через два, после разговора с поваром и персоналом из клининговой компании — я предложила нанять своих людей, не отдавая это на аутсорс, чтобы чистоту наводили на постоянной основе.

— Отлично, Надя! Я и не думал, что ты уже в первый день так мне поможешь, — обратился ко мне Ренат, когда мы удобно расположились на диванчике в зоне отдыха с кофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.